

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт общественных наук
Кафедра истории России

**«Теория официальной народности»:
дискуссии в научной и учебной литературе**

Выпускная квалификационная работа

Допущена к защите
Зав. кафедрой _____
к. и. н., доц. Елисафенко М. К.
«_____» _____ 2019 г.

Исполнитель:
Медведева Ольга
Эдуардовна
обучающийся гр.
ИО-1401
очного отделения

Руководитель ОПОП

Научный руководитель:
д. и. н., доц.
Черноухов Эдуард
Анатольевич

Екатеринбург 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. «ТЕОРИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	10
1.1 Истоки возникновения «теории официальной народности» в отечественной историографии.....	10
1.2. «Православие» и «Самодержавие» в отечественной историографии	13
1.3. «Народность» в отечественной историографии	18
ГЛАВА 2. «ТЕОРИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ» В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	22
2.1. «Православие» в американской историографии.....	22
2.2. «Самодержавие» в американской историографии	25
2.3. «Народность» в американской историографии	28
ГЛАВА 3. «ТЕОРИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ» В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	32
3.1. Влияние теории официальной народности на культуру Российской империи» в европейской историографии	32
3.2. Влияние теории официальной народности на отношение к нерусским народам Российской империи» в европейской историографии	38
ГЛАВА 4. «ТЕОРИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ» В СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ	45
4.1. «Теория официальной народности» в школьных учебниках по истории	46
4.2. «Теория официальной народности» в учебниках по истории для вузов и сузов.....	51
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	54
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	58
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	61
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	72

ВВЕДЕНИЕ

Тридцатилетнее царствование Николая I – это эпоха реакции и попыток правительства укрепить свои позиции за счет идеологического давления и научного обоснования легитимности самодержавной власти монарха. Идеологическим обоснованием проводимых политических сил, а также государственной идеологией, аккумулирующей опыт прошлого и будущие перспективы развития, способной объединить население страны и представителей государственной власти, стала теория официальной народности, предложенная в 1830-х гг С. С. Уваровым¹.

В ее основе была идея, что самодержавие – исторически сложившийся устой русской жизни; православие – нравственная основа жизни русского народа; народность – единение русского царя и народа. «Чтобы Россия усиливалась, чтобы она благоденствовала, чтобы она жила – нам осталось три великих государственных начала»², – писал граф С. С. Уваров в 1833 г.

Но помогла ли в действительности империи столь продвигаемая теория официальной народности? В современной отечественной и зарубежной историографии на этот счет нет однозначного ответа. Влияние теории официальной народности было настолько широко, разнообразно и неоднозначно. Несмотря на огромное количество различных исторических трудов, написанных о политике Николая I, в частности, после провозглашения уваровской триады, исследователи так и не пришли к единой оценке этого явления.

В нашем исследовании мы проследим, как видят эту проблему отечественные, европейские и американские историки второй половины XX – XXI в. (А. Реннер, А. Каппелер, И. Б. Нойманн, Д. Ливен, Н. В. Рязановский,

¹Lincoln W. Emperor and autocrat of all the Russians. L., 1978. P. 98

²Уваров С. С. Письмо Николаю I // Новое литературное обозрение. М., 1997. № 26. С. 96-100.

В. Б. Линкольн, Р. С. Уортман, Ц. Х. Уитекер, Т. А. Володина, М. М. Шевченко, А. Л. Янов и другие).

Нужно отметить, что обращение к теории «официальной народности» объясняется не только научным интересом к изучению этого вопроса в контексте развития отечественной политической мысли XIX века, но прежде всего, научно-практической и учебной значимостью самой проблематики. Популярная триада XIX в. в том или ином контексте затрагивается фактически в любой работе, посвященной русской политической мысли 1820-1850-х гг., поэтому изучение этого вопроса нам представляется крайне важным для оценки многих ключевых проблем отечественной истории: природы и значения идейной борьбы западников и славянофилов, роли различных идеологических течений, а также выявления особенностей русской политической культуры, путей и этапов развития национального самосознания.

Что касается учебной литературы, то ни один автор школьных и вузовских учебников по русской истории XIX в. не пропускает политику Николая I, в том числе описание деятельности С. С. Уварова и провозглашение теории официальной народности. Без этой тематики не представляется возможным полностью раскрыть деятельность императора. Все это предопределяет **актуальность и практическую значимость исследования.**

Объектом исследования является теория официальной народности как фактически официальная идеологическая доктрина поздней Российской Империи.

Предметом исследования стала рефлексия основных положений этой теории в трудах исследователей второй половины XX – начала XXI в., а также ее отражение в современных школьных и вузовских учебниках истории.

Хронологически исследование охватывает как период создания самой теории в 1830-х гг., так и ее отражение в трудах исследователей: с появления первых работ современников до настоящего времени.

Территориальные рамки исследования охватывают как Российскую империю, где была создана «теория официальной народности», так и территорию современной Российской Федерации, Европейского союза, Соединенных штатов Америки, где были изданы работы исследователей этой темы.

Источниковая база представлена, прежде всего, документами, созданными графом С. С. Уваровым. Это доклад императору Николаю I «О некоторых началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения» (1833)¹, преамбула к первому номеру «Журнала Министерства Народного Просвещения» (1834)² и несколько страниц из отчета о деятельности министерства «Десятилетие Министерства Народного Просвещения. 1833-1843» (1843)³. В них раскрыты все три элемента теории официальной народности.

Основой исследования служат труды историков второй половины XX – начала XXI в.⁴, затрагивающих вопросы теории официальной народности, а также современная школьная и вузовская учебная литература по истории XIX в.⁵. Выбор работ историков со второй половины XX в. обусловлен, в первую

¹Уваров С. С. О некоторых началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения. 19 ноября 1833 года // Река Времен: Книга истории и культуры. Кн. I. М., 1995. С. 67-72.

²Журнал Министерства Народного Просвещения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archive.org/details/zhurnalminister03prosgoog> (дата обращения: 25.11.2018).

³Уваров С. С. Десятилетие Министерства народного просвещения, 1833-1843 [Электронный ресурс]. URL: http://elibr.gnpbu.ru/text/uvarov_desyatiletie-mnp_1864/fs,1/ (дата обращения: 25.11.2018).

⁴Большакова О. В. П. А. Зайончковский и его американские ученики // Отечественная история. 2004. № 4; Большакова О.В. История России в гендерном измерении: Современная зарубежная историография: Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории. М., 2010; Володина Т. А. Уваровская триада и учебники по русской истории // Вопросы истории. 2004. № 2; Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., Новое литературное обозрение, 2001; Каппелер А. Россия как полиэтническая империя, 2005; Уитекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999; Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. М., 2004 и др.

⁵Захарова Е. Н. История России. XIX – начало XX века. 8 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений. 5-е изд., стер. М. : Мнемозина, 2010. 288 с; Зырянов П. Н. История России. XIX век. 8 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений. 10-е изд., стереотип. М. : Дрофа, 2010. – 234 с; Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. XIX век. 8 класс: учеб. для

очередь, написанием фундаментального труда Н. В. Рязановского «Николай I и „Официальная народность“ в России (1825-1855)»¹, являющейся, на наш взгляд, одним из основных исследований по данной проблеме.

Историографические источники можно поделить на четыре группы. Первая группа представляет собой труды американских историков второй половины XX – начала XXI в., вторая – труды европейских, третья – русских, а четвертая содержит учебники по русской истории XIX в.

Конкретная методика² исследования включает в себя общенаучные и специально-исторические методы.

К числу первых отнесены анализ и синтез, которые позволяют представить целостное представление о различиях во взглядах историков на теорию официальной народности. Также метод анализа был использован в работе с учебниками и нормативно-правовой документацией с целью выявления их характерных черт и особенностей, метод аналогии и сравнения – при рассмотрении текстовых и других материалов учебной и нормативной литературы, с помощью метода обобщения формулировались выводы на основе полученных результатов.

Проблемно-хронологический и историко-генетический методы дают возможность рассмотреть динамику развития и изменения оценок историков на теорию официальной народности, а также определить их закономерности.

Важную роль играет метод реконструкции, который позволил выделить и объединить в творчестве представителей «официальной народности» основные теоретические обобщения и выводы, содержащиеся в трудах российских и зарубежных исследователей, посвященные изучению и анализу

общеобразоват. учреждений 13-е изд. М. : Просвещение, 2012. 287 с; История России. 9 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 1. / Под общ. ред. А. В. Торкунова. М. : Просвещение, 2016. 160 с; История России: Учеб. для вузов/ Под общ. Ред. М. Н. Зуева, А. А. Чернобаева. М. : Высш. Шк., 2001. 479 с. и др.

¹Riasanovsky V. Nicolas I and Official Nationality in Russia, 1825-1855. Berkeley and Los Angeles, 1959. 296 p.

²Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учебное пособие. 2-е изд. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 608 с.

проблем истории отечественной социально-политической мысли и характеризующиеся рассмотрением «официальной народности» как системы идей, сформированных в контексте консервативной парадигмы политической мысли.

Историографические оценки теории «Официальной народности» начали появляться еще в XIX вв. Уже в 1873 г. вышло крупное исследование А. Н. Пыпина¹, который впервые показал влияние триады на жизнь русских людей XIX вв. Позже Ив. Иванов публикует свой труд «История русской критики»².

Начало XX века ознаменовало распространение взглядов на государственную теорию. Так, историк С. А. Венгеров поддержал концепцию А. Н. Пыпина³. А. А. Корнилов считал, что теория не оказала воздействия на русскую общественную мысль 1830-1840-х годов, а её adeпты из числа университетских профессоров не оставили никакого следа в умах студенчества⁴. А. Е. Пресняков трактовал «народность» из уваровской триады как официальный национализм⁵. М. А. Полиевктов ограничивал применение триады областью народного просвещения, печати и отчасти – ведомства православного исповедания⁶.

В советской историографии утвердилось толкование «официальной народности» как интегральной идейной основы внутренней или всей политики императора Николая I, при этом умалялись или выглядели как несущественные для конечных выводов мировоззренческие различия между С. С. Уваровым, М. П. Погодиным и С. П. Шевырёвым, политикой ведомства народного просвещения и деятельностью 3-го отделения Собственной Его

¹Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов. СПб., 1873; Он же. Белинский. Его жизнь и переписка. СПб., 1876. Т. 1-2.

²Иванов Ив. История русской критики. СПб., 1898.

³Венгеров, С. А. Молодая редакция «Москвитянина»: Из истории русской журналистики // Вестник Европы. 1886. Кн. 2. С. 581-612.

⁴Корнилов А. А. Теория официальной народности и внутренняя политика Николая I // Книга для чтения по истории нового времени. Т. 4. Ч. 2. М., 1914, Корнилов А. А. Курс истории России XIX века М., 1993.

⁵Пресняков А. Апогей самодержавия. Николай. Л., 1925.

⁶Полиевктов М. Николай I. М., 1918.

Императорского Величества канцелярии, возглавлявшегося А. Х. Бенкендорфом. Тогда же, в трудах С. Б. Окуня, сохранялось отрицание какого-либо влияния «официальной народности» на общественную мысль 1830-1840-х годов¹. С. С. Дмитриев трактовал «народность» как крепостное право². Для В. В. Познанского «официальная народность» расценивалась как идейная основа не только политики, но и всего «непрогрессивного» в культуре – прозы М. Н. Загоскина, драматургии Н. В. Кукольника, музыки А. Ф. Львова, архитектуры К. А. Тона и тому подобного³.

Ближе к постсоветскому времени появилась тенденция к переоценке значения теории «Официальной народности». Концепция А. Н. Пыпина была отвергнута. В работах 1980-1990-х гг., в частности работах Ф. А. Петрова, говорилось, что значение М. П. Погодина и С. П. Шевырёва нельзя сводить к «квасному патриотизму», шовинизму, представлениям о патриархальной пассивности народа и тому подобному, эти профессора сыграли важную роль в становлении русской истории и истории русской литературы как университетских дисциплин, стремились «обезопасить русское просвещение от некритического восприятия Запада и привить университетской молодёжи уважение к собственным корням»⁴. На данный момент в оценке теории «Официальной народности» существует много неточностей, разногласий во мнениях, а отдельные вопросы требуют обширного обзора, что во многом определило *степень изученности* темы. На наш взгляд, необходимо дальнейшее исследование и теоретическое осмысление данной проблематики.

Цель исследования: проанализировать особенности современных отечественных, западноевропейских и американских историографических традиций анализа теории официальной народности, а также проследить

¹Окунь С. Б. Очерки истории СССР второй четверти XIX века. Л., 1957. С. 171.

²Дмитриев С. С. Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист, 1941, №1. С. 85-97.

³Познанский В. В. Очерк формирования русской национальной культуры (первая половина XIX века). М., 1975. 257 с.

⁴Петров Ф. А. М. П. Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете. М., 1995. С. 4.

различия в освещении данной тематики в рамках школьных и вузовских современных учебников.

В соответствии с этой целью нами были поставлены *следующие задачи*:

- рассмотреть мнения современных отечественных историков по вопросу уваровской триады, проанализировать и сопоставить их друг с другом;
- проанализировать основные оценки составляющих теории официальной народности в работах современных западноевропейских историков;
- просмотреть и сопоставить друг с другом мнения современных американских авторов по поводу «теории официальной народности»;
- провести анализ учебников по истории России XIX в. с целью сопоставления сходств и различий в раскрытии теории официальной народности.

Поставленные задачи предопределили структуру исследования. Она состоит из введения, четырех глав, построенных по тематическому принципу, заключения, списка источников и литературы, приложения. В первой главе рассмотрены работы отечественных историков второй половины XX – XXI в. Во второй главе проанализированы труды американских ученых. Третья глава содержит анализ исследований европейских историков, а четвертая – современных школьных и вузовских учебников по истории XIX в. В заключении определены общие тенденции и специфика исследований историков разных стран.

Приложение содержит методическую разработку урока на тему «Консерватизм первой половины XIX», а также сделанный автором литературный перевод части работ Д. Ливена «Имперская Россия 1689-1971»¹, И. Б. Нойманна «Россия и идея Европы: исследование идентичности и международных отношений»², Н. В. Рязановского «Николай I и „Официальная

¹The Cambridge History of Russia: Vol. 2, Imperial Russia, 1689-1917. London, 2015. 806 p.

²Neumann Iver B. Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations. London/New York, 1996. 304 p.

народность“ в России (1825-1855)»¹, У. Б. Линкольна «Николай I – император и самодержец всех россиян»².

ГЛАВА 1. «ТЕОРИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1.1. Истоки возникновения «теории официальной народности» в отечественной историографии

Впервые свои взгляды по поводу теории официальной народности высказал в 1832 г. М. П. Погодин во время вступительной лекции по истории России. На этой лекции присутствовал и С. С. Уваров, что отчасти и предопределило ее содержание. Историк определил основные признаки, по которым Россия отличалась от стран Западной Европы, обосновал необходимость самодержавия и великую роль православия³.

В последнее время, в связи с расширением источниковой базы по изучению политики самодержавия, а также идейных взглядов и деятельности С. С. Уварова, исследования по теории официальной народности увеличились.

Историк М. М. Шевченко замечает, что введение в научный оборот материалов из коллекции работ С. С. Уварова при изучении внутренней политики у нас, по существу, только начинается⁴.

Например, не так давно А. Зориным был опубликован меморандум С. С. Уварова Николаю I (март 1832 г.)⁵, в котором высказывается мысль, что «три великих государственных начала» необходимы для усиления и благоденствия

¹Riasanovsky V. Nicolas I and Official Nationality in Russia, 1825-1855. Berkeley and Los Angeles, 1959. 296 p.

²Lincoln W. B. Nicholas I. Emperor and autocrat of all the Russians. L., 1978. 424 p.

³Янов А. Л. Россия против России. Очерки истории русского национализма. 1825-1921 гг. Новосибирск, 1999. С. 63.

⁴Шевченко М. М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003. С. 165.

⁵Зорин А. Заветная триада: Меморандум С. С. Уварова 1832 года и возникновение доктрины «православие–самодержавие–народность» М., 2004. С. 343.

России: национальная религия, самодержавие и народность. «Можно утверждать, что в России нет учения менее популярного, ибо не существует системы, которая оскорбляла бы столько понятий, была бы враждебна стольким интересам, была бы более бесплодна и в большей степени окружена недоверием», – обращался к монарху С. С. Уваров¹.

Наиболее детальное рассмотрение триады С. С. Уварова содержит диссертация Л. М. Дурдыевой «С. С. Уваров и теория официальной народности»². В работе анализируется, прежде всего, само понятие «официальная народность»: Уваров выдвинул не просто программу министерства, а идеологический символ эпохи Николая I. Хотя, по мнению ученого, сама теория и взгляды С. С. Уварова не тождественны. Объясняя этот тезис, Л. М. Дурдыева приводит новое доказательство того, что Уваров, подобно А. А. Перовскому и П. Д. Киселеву, был, в принципе, сторонником постепенной отмены крепостного права. Она предоставляет записку министра «О личном рабстве в России». Рассуждая о причинах возникновения теории, Л. М. Дурдыева приходит к тому, что логика развития внутренних взглядов Уварова совпадала с социальным заказом времени, в связи с общественными настроениями после восстания декабристов как противопоставление России Западу.

В поисках истоков теории официальной народности некоторые авторы связывают уваровскую триаду с политической теорией немецкого романтизма³. По мнению Б. Ф. Федорова, теория официальной народности была взята из манифеста о восшествии на престол Николая I: «Конечно, можно предположить, что распространявшаяся тогда философия Гегеля подсказала автору идею триады, но ведь гегелевская триада требует борьбы (тезис-

¹Белозерцев Е. П. Образование: историко–культурный феномен: курс лекций. СПб., 2004. С. 672–677.

²Дурдыева Л. М. С. С. Уваров и теория официальной народности: автореф. дис. ... канд. пед. наук : 07.00.02. М., 1996. 258 с.

³Янов А. Л. Россия против России. Очерки истории русского национализма. 1825–1921 гг. Новосибирск, 1999. С. 70.

антитезис-синтез), а у Уварова – полная гармония элементов. Мало вероятно и влияние Божественной троицы – Уваров был весьма далек от церкви. Скорее всего, он взял за основу царский манифест и сам выделил из него три элемента»¹. И. А. Емельяновой считает, что начало концепции Уварова (в частности, идея об «особом духе» русского народа) было положено в документах 1813-1818 гг. – периода начала деятельности чиновника в министерстве народного просвещения. Так, деятельность казанского и петербургского попечителей Магницкого и Рунича были как будто органичным проявлением формировавшейся идеологической концепции². В то же самое время особой заслугой С. С. Уварова является содействие «восстановлению» столичного университета, также столь подробно описанное в историографии³.

Если обратить внимание на циркуляр, датированный 27 мая 1833 г., на который обращает внимание Н. Н. Зиппуникова, то в нем можно найти указания, на что должны обращать внимание попечители и их помощники в ходе инспекции вверенных им учебных округов. Среди инструкций содержится, например, обязанность проверки учебных книгохранилищ, чтоб не было в них книг, «противных Вере, Правительству и нравственности». Композиция «правительство–вера–нравственность», полагаем, вполне соотносима с формулой «самодержавие–православие–народность»; особенно важной

¹Егоров Б. Ф. Очерки по истории русской культуры XIX в. Официальная идеология // Из истории русской культуры. Т. V (XIX в.). М. : Языки русской культуры, 2000. С. 81-82.

²Емельянова И. А. Историко-правовая наука России XIX в. История русского права. Методологические и историографические очерки. Казань, 1988. С. 10-12.

³Жуковская Т. Н. С. С. Уваров и воссоздание Санкт-Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. СПб., 1998. Вып. VII. С. 56-74.

представляется возможность соотносимости «народности» и «нравственности»¹. Подтверждает это и М. М. Шевченко, считая, что лозунг министерской деятельности – «Православие – самодержавие – народность», был перефразированным, по сути, девиз «За веру, Царя и отечество»².

Таким образом, в современном мире отечественные исследователи только начинают детальный анализ всей деятельности Николая I, в частности, связанной с провозглашением теории официальной народности. Наблюдаются явно противоположные заключения исследователей. Например, по мнению А. Л. Янова, в последнее время набирают в интеллектуальных кругах – и на Западе, и в России – силу попытки реабилитировать николаевский режим, или как деликатно выразился Б. Линкольн «восстановить баланс в пользу Николая»³. Противостоит ему, уже упомянутый нами, М. М. Шевченко, который в ряде своих статей, призывает отказаться от термина «теория официальной народности», так как он не столько объясняет консервативные тенденции в российской истории XIX – начала XX в., сколько запутывает или блокирует их серьезное изучение⁴.

1.2. «Православие» и «Самодержавие» в отечественной историографии

Первым принципом Уваровской формулы является православие. По мнению самого С. С. Уварова, религия составляет основу жизни народа,

¹Зипунникова Н. Н. Идеологема «самодержавие–православие–народность» в политике государства в сфере образования // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2010. № 4. С. 12.

²Шевченко М. М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003. С. 69.

³Янов А. Л. Россия против России. Очерки истории русского национализма. 1825-1921 гг. Новосибирск, 1999. С. 63.

⁴Шевченко М. М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003. С. 165.

которая охватывает, как саму личность, так и все ее окружение, поэтому занимает первое место, обходя самодержавие и народность¹.

Естественно, смотря на значение православия в то время, а также на сегодняшний день, историки не могли не рассмотреть его в контексте теории официальной народности.

По мнению многих историков, в том числе, М. М. Шевченко, православная вера для Российской Империи XIX вв. – это «первое и основное»². С ее ослаблением творческие силы народа обречены на угасание, вся отечественная культура рано или поздно выдохнется. «Без любви к Вере предков, народ, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них Веру, то же самое, что лишить их крови и вырвать сердце. – Это было бы готовить им низшую степень в моральном и политическом предназначении»³.

Говоря о природе первого принципа, историк указывает на то, что в первоначальном варианте формулы термина «православие» не было, на его месте стояла «национальная религия»: «чтобы Россия усиливалась, чтобы она благоденствовала, чтобы она жила – нам осталось три великих государственных начала, а именно: Национальная религия, Самодержавие, Народность». Использование данного термина наводит на мысль о том, что автору «безразлично, о какой церкви идет речь, если она укоренена в истории народа и политической структуре государства»⁴. Таким образом, можно сделать вывод о том, что С. С. Уваров сам недостаточно верил в указанный им же принцип.

М. М. Шевченко объясняет это тем, что по своему душевному складу С. С. Уваров оставался человеком александровской эпохи. У образованных людей того времени обычно художественная восприимчивость как-то превалировала над дискурсивным мышлением; было, так сказать, больше

¹Уваров С. С. Письмо Николаю I. М., 1997. № 26. С. 96.

²Шевченко М. М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003. С. 98.

³Там же. С. 123.

⁴Там же. С. 126.

поэзии и воображения, чем дисциплины интеллекта. У С. С. Уварова мы не найдем живой мыслительной связи с православной святоотеческой традицией; с ней он если и был знаком, то более чем поверхностно. По мировоззрению он скорее оставался европейским консерватором-романтиком¹. В этом и заключается основная проблема почти всех принципов уваровской триады – непонимание сущности выделяемых постулат. Раз сам министр народного просвещения не мог окончательно выразить идею «православия», то, что говорить о последователях.

При выборе нужного учебника по истории, о чем пишет Т. А. Володина, с первым членом триады было не все благополучно. Например, автор учебника «Древняя русская история до монгольского ига» М. П. Погодин писал и о крещении Руси, и о митрополите Илларионе; но при этом неизменно создавалось впечатление, что церковные сюжеты нужны ему лишь для того, чтобы показать действия государства. Для М. П. Погодина главное в православии то, что оно подчинено светской власти; самостоятельной роли религиозный фактор в русской истории не играет и потому находится для историка на втором плане. Он отмечает, например, что христианство сыграло большую роль в распространении письменности, но при этом последствия христианства – сама книжность и грамотность, разделение языка на письменный и устный – для М. П. Погодина важнее и интереснее, чем православие как таковое. Таким образом, религия не выступает у М. П. Погодина как самостоятельный и полноценный фактор русской истории. Она всегда рассматривается в подчиненном отношении к другим сюжетам: развитию государственности, летописанию или возвышению Москвы².

Чтобы народ поверил в данную формулу, нередко использовалась прямая, насильственная православизации. «Были и примеры прямой православизации, такие, как ликвидация Брестской унии в 1839 г. Уния

¹Там же. С. 72.

²Володина Т. А. Уваровская триада и учебники по русской истории // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 117.

заклучалась и поддерживалась силой, многие миряне и священники и в начале XIX в. ещё сопротивлялись ей. Это, считало русское правительство, даёт основания для её ликвидации. Нас интересует не правомерность этого вывода. В насильственном присоединении к господствующей Церкви русское правительство было не единственным – и важно посмотреть, как присоединение производилось. Для униатов, простых западноукраинских селян, важна была, естественно, не догматика: помимо главного – веры во Христа – Церковь для них исчерпывалась привычной обрядовой стороной. И Петербург отнёсся к этой стороне со всей серьёзностью. Так, специальным решением царя перешедшим в православие униатским священникам было разрешено ношение неслужебной одежды и бритьё бород»¹.

По мнению В. А. Федоров, «религия была используема для проповеди повиновения императору, офицеру, помещику» и что «церковь находилась под бдительным контролем государства и в основном выполняла его приказания». Так при малейшем соприкосновении с исторической правдой рушится выдуманное автором толкование «православия» как некоего нравственно-этического принципа².

Конечно, можно найти много подобных рассуждений. Например, в работе О. А. Иванова, который указывает на то, что Уваров рассматривает православие как одно из основных средств защиты России и русского народа от проникновения с Запада мистико-религиозных и политических идей, способных «развратить умы» и тем самым нанести непоправимый ущерб русской нации и русской государственности³.

Неразрывно с православием шел следующий принцип теории официальной народности – самодержавие. Самодержавие, по Уварову,

¹Сендеров В. А. Православие. Самодержавие. Народность. Европейский проект для России // Вопросы философии. 2013. №10. С. 119.

²Федоров В. А. Рецензии. Николай В. Рязановский. Николай I и «официальная народность» в России (1825-1855) // Вопросы истории. 1960. №8. С. 180.

³Иванов О. А. Идеология православие, самодержавие, народность С. С. Уварова // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: Вып. 1. 2001. С. 126.

представляет «главное условие политического существования России», это фундамент, на котором держится все российское государство. «Рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав государственный» – для Уварова это истина, которая не требует доказательств. Большинство русских людей, независимо от сословной принадлежности, образования, занимаемой должности, идейных воззрений, отношения к правительству, осознают губительность попыток реформировать институт самодержавия, поскольку монархическим сознанием проникнуто мировоззрение всех слоев и сословий России. А потому как нелепо и смешно выглядят те, кто в конституционном устройстве европейских держав видят свой идеал. Они, пишет Уваров далее, «не знают России, ее положения, ее нужд, ее желаний»¹.

Конечно, самодержавие по теории официальной народности имело свои, знаковые черты. Для самого Николая I, самодержавие стало непререкаемым догматом и самоценностью, не нуждавшейся ни в оправданиях, ни в доказательствах полезности². По мнению А. Л. Янова, благодаря этому принципу император становится на высоту недостижимую, не имеет средств ничего слышать, никакая правда до него достигнуть не может; свобода слова закрыта, нет ни гласности, ни контроля, ни апелляции³.

Но к чему это могло привести? По заключению А. Н. Тарасова, при такой постановке дела самодержавие грозило превратиться в «систему полицейско-канцелярской диктатуры», воспринимающая только государя и только его мнение⁴.

Не все исследователи согласны с этим мнением. Например, из числа «восстановителей баланса» в пользу Николая А. Н. Блоханов представляет

¹Уваров С. С. Десятилетие министерства Народного просвещения 1833-1843. СПб. 1864. С. 2

²Зипунникова Н. Н. Идеологема «самодержавие–православие–народность» в политике государства в сфере образования // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2010. № 4. С. 9.

³Янов А. Л. Россия против России. Очерки истории русского национализма. 1825-1921 гг. Новосибирск, 1999. С. 456.

⁴Тарасов И. Т. Самодержавие и абсолютизм. М., 1917. С. 45.

самодержавие как институт такой же сакральный, какой он фигурировал в официальной народности¹.

Что касается последователей, ученых того времени, то не все поняли истинную суть данного постулата. В тех же учебниках, М. П. Погодин первым самодержцем вообще называет Ивана III. Легко представить себе недоумение Уварова при чтении подобных абзацев: где же исконная приверженность русского народа самодержавию, если само самодержавие зарождается так поздно, да еще в силу внешних и явно отрицательных факторов – татар и чумы?

Т. А. Володина же пишет о том, что триаду, в том числе «самодержавие» как принцип, нужно рассматривать через призму взглядов Устрялова, говорившего о том, что «серьезно рассматривать такой вариант в прошлом или настоящем России нельзя, так как он был просто невозможен – самодержавие вошло в плоть и кровь народа»².

Есть и более нейтральные оценки. Например, как у А. С. Заболотной. Правление Николая I традиционно считается временем реакции, когда основной задачей было укрепление «исконных» начал императорской власти – самодержавия³.

1.3 «Народность» в отечественной историографии

Следует отметить, что народность в XIX в. трактовалась по-разному. Каждый исследователь вкладывал свой смысл в это понятие. Так, М. П. Погодин ему уделил наименьшее внимание из всех составляющих уваровской триады⁴. Очевидно, сам С. С. Уваров не стремился точно очертить его

¹Блоханов А. Н. Самодержавие. Идея царской власти. М.: Русское слово, 2002. С. 78.

²Володина Т. А. Уваровская триада и учебники по русской истории // Вопросы истории. 2004. №2. С. 124.

³Заболотная А. С. Теория официальной народности как идейно-теоретическое и философско-правовое обоснование самодержавия в России // Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 4. С. 2-12.

⁴Янов А. Л. Россия против России. Очерки истории русского национализма. 1825-1921 гг. Новосибирск, 1999. С. 80.

границы. Это должны были сделать своей жизнью и трудами конкретные представители отечественной образованности¹.

Мнение других историков на этот вопрос схожи. М. М. Шевченко считает, что Уваров вообще не стремился дать точное определение народности, это должны были сделать своей жизнью и трудами конкретные представители отечественной образованности. Основная мысль Уварова – необходимо утвердить в новом поколении европейски образованных людей неразрывную связь национального самосознания с Православной верой и чувством верноподданнического долга перед царем для того, чтобы неизбежные с течением времени перемены не вызвали опасных смут². По мнению А. Л. Зорина, вся аргументация Уварова субъективна, полностью лежит в сфере исторических эмоций и национальной психологии³.

И действительно, «народность» пояснить было слишком трудно, так как под ней подразумевалось, как видно из трудов исследователей, то «одно лишь крепостное право»⁴, то «историческая самобытность России»⁵. По мнению Б. Ф. Егорова такое изложение «народности» было связано с его нежеланием углубления и расширения соответствующей проблематики. «Проблема народности, как она ставилась немецкими романтиками и, в более расширенных и разнообразных вариантах, русскими эстетиками и критиками 1820-1830-х гг., вела к изучению национального своеобразия, к исследованию жизни и идеалов народа»⁶.

¹Там же. С. 69.

²Шевченко М. М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003. С. 69-70.

³Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 349.

⁴Федосов И. А., Долгих Е. В. Российский абсолютизм и бюрократия // Очерки русской культуры XIX века. М., 2000. С. 67.

⁵Зипунникова Н. Н. Идеологема «самодержавие–православие–народность» в политике государства в сфере образования // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2010. № 4. С. 22.

⁶Егоров Б. Ф. Очерки по истории русской культуры XIX в. Официальная идеология // Из истории русской культуры. Т. 5 (XIX в.). М., 2000. С. 83.

Попытка объяснить понятие у С. С. Уварова все же была. Так, И. А. Емельянов отмечает, что министр обращался к попечителям учебных округов со специальным циркуляром, расшифровав принцип как «беспредельную преданность и повиновение самодержавию»¹.

«Народность» предстояло найти. Но где? Для С. С. Уварова ответ находился в образовании. Как отмечает М. М. Шевченко, именно ему в рамках «народности» министр народного просвещения уделил большую часть внимания. Так, преподавать дисциплины отныне мог только русский. В 1835 году для наблюдения за частными училищами была создана особая инспекция. В 1830-е годы известная озабоченность уровнем образования детей получила заметное распространение среди провинциального дворянства².

Вскоре был открыт конкурс на самый лучший учебник по истории, но выбрать так и не смогли. «В январе 1837 г. министерством было официально заявлено, что итоги конкурса подводиться не будут, т. к. никто не представил своего учебника»³, – пишет Т. А. Володина. Скорее всего, отказ в выборе учебника был связан, в первую очередь, не с отсутствием претендентов, а сильно завышенными требованиями заказчика.

Но не только на образование должна была подействовать «народность». Л. Н. Киселева считает, что искусство способствовало цементированию официальной доктрины, упрочению ее в умах широкого круга подданных империи⁴. По ее мнению, ключевую роль сыграло создание национального гимна «Боже, царя храни...». Гимн был создан из-за необходимости подкрепить в головах людей патриотические чувства и любовь к царю, показать пример такой любви, стать фактом национального сознания.

¹Емельянова И. А. Историко-правовая наука России XIX в. История русского права. Методологические и историографические очерки. Казань, 1988. С. 156

²Шевченко М. М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003. С. 72.

³Володина Т. А. Уваровская триада и учебники по русской истории // Вопросы истории. 2004. №2. С. 119.

⁴Киселева Л. Н. Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып. 2. С. 279.

Таким образом, в работах последнего времени, кардинально расширивших источниковую базу по изучению политики самодержавия в области народного просвещения, печати, а также идейных взглядов и деятельности С. С. Уварова вопрос о народности остается в достаточной мере открытым. В итоге получается, что теория официальной народности это, строго говоря, не Уваров, не профессора-уваровцы, не уваровский лозунг. В полном своем смысле ни то, ни другое, ни третье. Но, тогда, что же?¹

Как сказал В. А. Кошелев, «миф, или термин устаревший, не соответствующий добытым на сегодняшний день и изученным исторической наукой фактам».

¹Зипунникова Н. Н. Идеология «самодержавие–православие–народность» в политике государства в сфере образования // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2010. № 4. С. 15.

ГЛАВА 2. «ТЕОРИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ» В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

2.1. «Православие» в американской историографии

Наиболее глубокий анализ термина «православие» и его значения делает в своем исследовании Н. В. Рязановский. Именно православию историк отводит весь 2 раздел 3 главы монографии «Николай I и „Официальная народность“ в России (1825-1855)». Свое рассуждение он начинает с представления стихов и высказываний известных людей XIX в., верующих в бога и писавших о нем. Например, поэта Жуковского, говорившего о том, что «человеческая душа нуждается только в Боге»¹. В след за этим, Николай Валентинович разбирает исследование Погодина «Простая речь о мудреных вещах», приходя к выводу, что «Бог стал окончательным ответом на поиски человека, началом и концом человеческой мудрости, альфой и Омегой»². Неудивительно, что идеологи официальной народности зачастую даже не нуждались во всех трех принципах триады: достаточно было только первого.

¹Riasanovsky V. Nicolas I and Official Nationality in Russia, 1825-1855. Berkeley and Los Angeles, 1959. P. 53.

²Op. cit. P. 56.

Для них – христианство неограниченно, а вся Россия может быть понята только в пределах православной структуры.

Главной фигурой в этой структуре был император. По мнению Н. В. Рязановского, он знал и чувствовал Бога также близко, как Жуковский или Погодин, был хорошим христианином. К этому историк приводит примеры религиозных напутствий самодержца во время войны, его милосердия к военнопленным, декабристам и другим¹. «Кроме того, в течение жизни Николай I расцвел нравственно и духовно; и, если результаты его усилий можно поставить под сомнения, то нет никакой причины сомневаться относительно его искренности»².

Поддерживает Н. В. Рязановского в этом и другой американский историк – У. Б. Линкольн: «Лично для Николая, православие – первый пункт уваровской триады, имел глубокое значение, которое поддерживалось им даже во время глубокого личного и политического кризисов: во время войны, голода, чумы и восстаний»³. У. Б. Линкольн отмечает также то, что такой взгляд на Бога, православие был характерен для императора, особенно во время испытания Крымской войной. Историк приводит высказывания Николая: «Я буду нести мой крест до тех пор, пока силы мои не иссякнут», и что «...ничего не осталось для меня кроме моей великой обязанности, которая доставляет удовольствие Богу оставить меня во главе России»⁴. В своей монографии о Николае I ученый не забывает добавить и конкретные примеры «милости» Николая, характеризующие его как настоящего православного человека. Например, в 1841 г. Николай должен был разбираться со случаем судебного дела над молодым дворянином, который был представителем высочайшего социального сословия и который так разочаровался жизнью в России, что поверил в необходимость убить своего Императора для всеобщего блага. Граф Бенкендорф показал инкриминируемые письма Николаю, и

¹Op. cit. P. 57.

²Op. cit. P. 58.

³Lincoln W. Emperor and autocrat of all the Russians. L., 1978. P. 36.

⁴Op. cit. P. 37.

согласно Корфу Николай ответил: «Верните письма этому дворянину и скажите, что я читал их»¹. Сам У. Б. Линкольн признается, что истинность таких историй определить сложно, но, скорее всего, они были и являются несомненным плюсом к образу императора.

Схожесть взглядов Н. В. Рязановского и У. Б. Линкольна видна и в рассуждениях о подданных. Только если Николай Валентинович приводит конкретные примеры того, как писали о православии и Боге, то Уильям Брюс делает общий вывод явлению: «Фактически, все Николаевские поданные – от самых знатных и до простолюдинов – видели себя в подобных покорных отношениях с Богом в контексте Православия, что без сомнения подтверждается большим количеством написанных работ в годы его правления, которые все это подтверждали»².

Н. В. Рязановский определяет основную цель деятельности Николая I, Уварова, Погодина и других – это обучить своих соотечественников морально и духовно, чтобы сделать их хорошими христианами и совершенными русскими. Основное средство для этого – школа и семья. Семья и школа должны сотрудничать для того, чтобы успешно выполнять свои образовательные задачи, а также быть близки к другому институту – церкви³.

О церкви, ее роли, а также национальной архитектуре уделяет большое внимание другой историк, а именно Р. Уортман. Ученый пишет о том, что церковная архитектура служила главным средством показа роли православной церкви в роли государства⁴. Так, Николай уже в 1827 г. объявляет конкурс на модель церкви св. Екатерины у Калинкина моста в Санкт-Петербурге, которая «покажет соотечественникам и иностранцам усердие русских в православной вере»⁵. Главный критерий – это национальные мотивы, которые должны

¹Op. cit. P. 38-39.

²Lincoln W. Emperor and autocrat of all the Russians. L., 1978. P. 37.

³Riasanovsky V. Nicolas I and Official Nationality in Russia, 1825-1855. Berkeley and Los Angeles, 1959. P. 64.

⁴Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. В 2-х тт. М., 2004. Т. 1 : от Петра великого до смерти Николая I. С. 498.

⁵Там же. С. 499.

присутствовать во всей архитектуре, одобренной Николаем I. Например, при постройке известного теремного дворца, царь сам принимал участие в проектировании – сам рисовал эскизы для объяснения своих желаний. В итоге получился богатый петербургский дворец, «одетый» в национальный костюм¹. Таким образом, в отличие от двух других историков, Р. Уортман не рассуждает о роли и характере православия, а пытается показать его влияние на конкретных примерах архитектуры XIX в.

Если говорить об отечественных историках, то о противоречивости мыслей Н. В. Рязановского в своей рецензии пишет В. А. Федоров. Явно впадая в противоречие с самим собой, историк не может не признать, что «религия была используется для проповеди повиновения императору, офицеру, помещику» и что «церковь находилась под бдительным контролем государства и в основном выполняла его приказания». Так, при малейшем соприкосновении с исторической правдой рушится выдуманное автором толкование «православия» как некоего нравственно-этического принципа².

Конечно, можно найти и подобные американским историкам рассуждения. Например, в работе О. А. Иванова, который указывает на то, что Уваров рассматривает православие как одно из основных средств защиты России и русского народа от проникновения с Запада мистико-религиозных и политических идей, способных «развратить умы» и тем самым нанести непоправимый ущерб русской нации и русской государственности³.

В целом, Н. В. Рязановский, У. Б. Линкольн и Р. Уортман оценивают православие примерно на одинаковом уровне. Они все считают, что оно было важнейшим элементом уваровской триады, считая, что ослабление, а тем более утрата веры в народе привело бы русский народ к падению на низшую степень в моральном и политическом предназначении.

¹Там же. С. 505.

²Федоров В. А. Рецензии. Николай В. Рязановский. Николай I и «официальная народность» в России (1825-1855) // Вопросы истории. 1960. №8. С. 180.

³Иванов О. А. Идеология православие, самодержавие, народность С. С. Уварова // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: Вып. 1. 2001. С. 126.

2.2. «Самодержавие» в американской историографии

Отличия «русского», «николаевского» самодержавия от других выделяют многие историки, в том числе и У. Б. Линкольн, и Н. В. Рязановский. В первую очередь, это милитаризм, который проявлялся во внешней политике Николая. Но, если У. Б. Линкольн связывает это со страхом Николая народных масс «как дома, так и за границей»¹, то Н. В. Рязановский видит в этом защиту от «разрушительных» сил революции².

Вторая черта – это патриархальная природа власти. «Николай I играл роль отца большой семьи – России»³.

Третья – это священная связь с Богом.

Н. В. Рязановский в своем исследовании писал: «юридические формулировки самодержавия обычно включали два пункта: абсолютная природа имперской власти и звено между императором и Богом»⁴. Отсюда постоянное сравнение Николая с самим Богом, соединения изображений монарха и Бога в искусстве. У. Б. Линкольн приводит к этому следующее высказывание: Внутри контекста самодержавия, Николай служил как агент бога в России и как «христианская совесть России»⁵.

Если Н. В. Рязановский и У. Б. Линкольн близки в своих утверждениях, то с ними полностью не согласен Р. Уортман. Уваров продолжал традицию XVIII в. с его утилитарной легитимацией самодержавия как института, создавшего и сохранившего российское государство. Он никогда не говорил о сакральной природе монархической власти: самодержавие было для него «необходимым условием существования Империи»⁶.

¹Lincoln W. Emperor and autocrat of all the Russians. L., 1978. P. 30.

²Riasanovsky V. Nicolas I and Official Nationality in Russia, 1825-1855. Berkeley and Los Angeles, 1959. P. 164.

³Op. cit. P. 167.

⁴Op. cit. P. 141.

⁵Lincoln W. Emperor and autocrat of all the Russians. L., 1978. P. 33.

⁶Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 1 : от Петра великого до смерти Николая I. С. 498.

Не стоит забывать о том, что самодержавие Николая I выливалось в достаточно строгую и закрытую систему: многочисленные запреты, цензура, усиленный контроль.

Оправдание этому Николай Валентинович видит в том, что «человек слаб, склонен к порокам и беззаконию» и, следовательно, нуждается в «строгой авторитарной власти над ним»¹.

С этим согласен У. Б. Линкольн. Для выполнения такой функции в жизни своих поданных, Николай настаивал на том, что каждый из них должен соблюдать все ограничения, которые были в заповедях православия и самодержавия и налагались на них. Чтобы достичь всего этого, Николай и его идеологи настаивали на том, чтобы гражданский порядок был установлен во чтобы то ни стало, поскольку как Фаддей Булгарин – один из пропагандистов официальной народности писал в своих воспоминаниях «лучше спустить с цепи голодного тигра или гиену, чем снять с людей узду покорности власти и закону»².

Самодержавие находит оправдание не только в религии и в природе человека, но также и в истории. Н. В. Рязановский достаточно много внимания уделяет «прототипу» Николая – Петру, указывая на то, что сам император очень трепетно относился ко всему, что было связано с историей и именно историки и «историки литературы» сделали важный вклад в развитие и распространение новой идеологии государства, даже если «большинство работ были очень бедны историей, но они помогли обеспечить хлеб насущный и интерес к прошлому»³.

Как-то Николай писал своей жене: «Для меня государство превыше всего; и несмотря на то, как я люблю моих детей, я люблю мое отечество все еще гораздо больше. И, если это станет необходимым, есть пример Петра

¹Riasanovsky V. Nicolas I and Official Nationality in Russia, 1825-1855. Berkeley and Los Angeles, 1959. P. 121.

²Lincoln W. Emperor and autocrat of all the Russians. L., 1978. P. 35.

³Riasanovsky V. Nicolas I and Official Nationality in Russia, 1825-1855. Berkeley and Los Angeles, 1959. P. 132.

Великого, чтобы показать мне свой долг; и я не должен быть слишком слаб, чтобы выполнить его»¹.

Но как отражалось в повседневности, искусстве и литературе?

На этот вопрос Н. В. Рязановский дает развернутый ответ, снова представляя читателю многочисленные примеры из творчества Булгарина, Горькова, Греча и других².

Р. Уортман говорит о появившейся в то время музыке, прославлявшей монарха как дух нации, о гимне «Боже, Царя храни», созданного по указу Николая Львовым, различных спектаклях на идентичную тематику³.

Самодержавие, таким образом, определенно, занимало важное место во всей структуре Николаевского правления. Отсюда и различные оценки этого принципа уваровской триады. Однако, оно, как и православие не могло функционировать без последнего, самого сложного понятия – «народности». Именно к этому последнему, ключевому понятию мы должны перейти в следующей главе.

2.3. «Народность» в американской историографии

Говоря о третьем элементе уваровской триады, У. Б. Линкольн прямо указывает на то, что «народность – это романтический миф»⁴. С этим мнением согласны как Р. Уортман, так и Н. В. Рязановский. Последний отмечает, что «Народность была в это время и с тех пор осталась самым неясным, озадачивающим, и спорным членом официальной троицы. В то время как "православие" и "самодержавие" были относительно понятными, обращающимися к установленной вере и отдельной форме правительства,

¹Op. cit. P. 133.

²Op. cit. P. 138.

³Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. В 2-х тт. М., 2004. Т. 1 : от Петра великого до смерти Николая I. С. 509-515.

⁴Lincoln W. Emperor and autocrat of all the Russians. L., 1978. P. 10.

"народность" не обладала никаким единственным, общепринятым значением»¹.

Что представляет из себя «народность»?

На этот вопрос попытался дать ответ Н. В. Рязановский. Россия «еще хранит в своей груди убеждения религиозные, убеждения политические, убеждения нравственные – единственный залог ее блаженства, останки своей народности, драгоценные и последние гарантии своей политической будущности». Тем самым, в основе народности оказываются убеждения. Русский человек – это тот, кто верит в свою церковь и своего государя².

Таким образом, считать себя русскими могли не все, а только те, кто проповедует православие и предполагает приверженность самодержавию. Автоматически «нерусскими» становились старообрядцы и сектанты в низших слоях общества и обращенные католики, деисты и скептики – в высших, а также любые конституционалисты и республиканцы.

Естественно, в этот список попадали и все народы Царства Польского, дальнейшее существование которых очень волновало царя и большинство приближенных лиц. «Русификации эстов, ливов и других является политической необходимостью, и надо быть слепым, чтобы не видеть!»³. Польское восстание 1830-1831 гг. поставило правительственную идеологию и общественное мнение перед необходимостью осмыслить трудный вопрос: совпадает ли понятие «Российская империя» с понятием «Россия».

Подтверждает это и У. Б. Линкольн. Россияне становились уникальными людьми, и эта уникальность связывалась с мистическим и сверхъестественным отношением к православию, самодержавию (или более точно к личности царя) и фактом самого российского существования⁴. Российское существование должно было быть доказано знанием языка, для

¹Riasanovsky V. Nicolas I and Official Nationality in Russia, 1825-1855. Berkeley and Los Angeles, 1959. P. 79.

²Op. cit. P. 349.

³Op. cit. P. 350.

⁴Lincoln W. Emperor and autocrat of all the Russians. L., 1978. P. 10.

этого и была необходима русификация, знанием истории, традиций, хождением в определенной одежде. Что получилось с введением русификации – мы увидели на примере Польши. Остальные пункты впадали не в меньшие крайности.

Как и с православием, так и с народностью, первый свою «преданность» принципу показывает сам самодержец, о чем пишет Р. Уортман.

В пример другим Николай пытался из-за всех сил показать свою национальную ориентацию: он интересовался отечественной историей, заботился о сохранении памятников старины, поощрял национальный стиль в церковной архитектуре и музыке и, наконец, совершал церемониальные поездки в Москву. Но все получилось наоборот – этим он создал «русский облик» для монархии западного образца. Русские мотивы и русские фасады украшали собой вполне европейские структуры»¹.

Всё должно было заявлять об уникальном пути России, особенно исконно русские обычаи: Во время коронации в 1826 г. император положил начало новой традиции. Пройдя в торжественном шествии из Успенского Собора к Архангельскому и Благовещенскому, Николай в полном царском облачении трижды поклонился народу с Красного крыльца. Собравшаяся на площади толпа отвечала громовыми приветствиями. Этот троекратный поклон стал инициальным ритуалом взаимного признания царя и народа — знаком негласных уз преданности и любви. Созданный Николаем ритуал стал неременной частью церемониальных посещений царями Москвы и вошел в сценарий всех последующих коронаций». Это блестящий пример «придуманной традиции», к которой уже в конце XIX в. относились с глубоким почтением, видя в ней древнюю и чисто русскую традицию, отражавшую народный характер монархии»². Конечно, все россияне были обязаны выполнять все заданные Николаем порядки, «любить» царя и все, что

¹Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. В 2-х тт. М., 2004. Т. 1 : от Петра великого до смерти Николая I. С. 236.

²Там же. С. 234.

он говорит. Иначе – расправа, которой деспотичный император никогда не пренебрегал.

Н. В. Рязановский в своем исследовании не забывает сказать и о явном парадоксе в действиях царя. Николай, так стремившийся оттолкнуть Запад, по существу, никогда его не забывал: имел одни из самых близких отношений с немцами, особенно пруссаками. Действительно, когда в 1817 г. он приветствовал его невесту, прусскую принцессу, на российской границе, он сказал: «Мои друзья, помните, что я – одна половина вашего соотечественника, и что я являюсь членом, как Вы, армии вашего короля». Николай сохранил это отношение к Пруссии в течение всей жизни, и он оставался другом Австрии до самых последних лет его господства¹.

Так если говорить об истории, то в это время она стала переосмысливаться, начали появляться новые идеи, среди которых были и откровенно абсурдные. Например, в это время Николай I заново утвердил характерный для XVIII в. культ Петра, почти забытый в царствование Александра I. Отсюда и идея – все: слава, энергия, процветание, и просвещение – мы должны семье Романовых; и, из благодарности, мы должны изменить наше общее племенное имя Славян к имени создателя империи. Россию нужно назвать Петровией, а нас Петровцами; или империю нужно назвать Романовия, и нас Романовцы. И Булгарин добавил его собственное мнение: «Необычная идея, но чрезвычайно правильная!»²

Таким образом, созданная представителем западной мысли и одновременно борющаяся против нее народность³ стала династическим оправданием, и мессианским взглядом одновременно, трудным в определении и даже противоречивым элементом в Уваровской триаде (романтическим мифом).

¹Riasanovsky V. Nicolas I and Official Nationality in Russia, 1825-1855. Berkeley and Los Angeles, 1959. P. 98.

²Op. cit. P. 87.

³Шевченко М. М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003. С. 88.

ГЛАВА 3. «ТЕОРИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ» В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

3.1. Влияние теории официальной народности на культуру Российской империи в европейской историографии

Триада «Православие, самодержавие, народность» С. С. Уварова очень повлияла на все стороны жизни русского общества XIX в, в том числе и на культуру.

«Некоторые высказывания Белинского и Герцена указывали на новую позицию, где дело уже не в том, что России пришлось копировать все аспекты европейского развития. Скорее вопрос – что должна копировать Россия?»¹ - данный вопрос в своей работе ставит И. Б. Нейманн.

Но обязана ли вообще что-то копировать Российская Империя?

Ведь в провозглашённой теории официальной народности был взят курс на «народность», как важнейший постулат всей доктрины. Отсюда насущной является задача учредить «народное воспитание» не чуждое «европейскому просвещению». Без последнего уже не обойтись. Но его нужно «искусно

¹Neumann Iver B. Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations. London/New York, 1996. P. 147.

обуздать», соединив «выгоды нашего времени с преданиями прошедшего». Это задача трудная, государственная, но от неё зависит судьба Отечества¹.

Конечно, не все историки считают, что Россия в XIX в. что-то копировала у Европы, скорее наоборот, появилось очень много элементов, совершенно новых как для Российской Империи, так и для всего мира. Также были «вновь открыты» старые элементы культуры и образования, которые были забыты с течением времени.

Например, об этом пишут в монографии «Имперская Россия 1689-1971» под редакцией Д. Ливена, говоря о том, что «культура и, в частности, литература стали политически заряженными во время правления Николая I».

Это проявлялось во многом: в литературе, образовании, архитектуре и других отраслях, где важно было показать именно русские обычаи и традиции, пусть даже смоделированные, но несвязанные с Европой. Так, уже в 1830–х гг «преподаватели и студенты Санкт-Петербургской академии художеств надели форму государственных служащих, которым было предписано отстаивать технику и художественные идеалы классической древности»².

Сразу же появились определенные проблемы, связанные, в первую очередь, с недостатком русских произведений, отсутствием «института для профессиональной подготовки местных композиторов и исполнителей». «Между тем российский литературный канон был еще настолько мал, что в рассказе Пушкина «Пиковая дама» («Пиковая дама»), написанном в 1833 году, старая графиня могла выразить удивление, что есть романы, написанные на русском языке»³.

Но именно в этот период стали появляться великие произведения искусства. Пушкин опубликовал первый великий русский роман Евгений Онегин» в 1823-1831 гг. В следующем году первый профессиональный критик

¹Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия. М., 2011. С. 304.

²Lieven D. The Cambridge History of Russia: Volume 2, Imperial Russia, 1689-1917. London, 2015. P. 95.

³Op. cit. P. 96.

России Виссарион Белинский дебютировал в статье, которую литературный историк Д. С. Мирский назвал «манифестом новой истории в истории русской цивилизации». В 1833 году Карл Брюллов завершил свой холст «Последний день Помпеи», описанный Гоголем как «полное универсальное творение» и прославленный сэром Уолтером Скоттом, Бульвером Литтоном и бесчисленными итальянскими академиками. Это был тот же год, в котором Пушкин запустил «Современника» (современник)¹. В 1836 году, когда был опубликовано первое «Философическое письмо» Чаадаева, были изданы еще две культурные достопримечательности: гоголевская пьеса «Правительственный инспектор» (Ревизор) и опера Глинки «Жизнь за царя»².

Хотелось бы остановиться на личности П. Я. Чаадаева, чья фигура вызывала неоднозначное отношение в трудах историков.

Его труды не пропускает ни Ливен, говоря о том, что судьба «Философского письма» Чаадаева олицетворяет культурную атмосферу Николая I в целом: ее автор был объявлен безумным и помещен под домашний арест, человек, который не подвергся цензуре, был уволен, журнал, в котором он был опубликованный был закрыт, и его редактор сослан³, ни Нейманн, доказывая читателю то, что именно с письма Чаадаева начались дискуссии о копировании России Европы⁴.

Но если Д. Ливен дает лишь поверхностные представления об этом человеке и его произведении, упоминая только жесткую расправу Николая с ним, то И. Б. Нейманн проводит весьма широкий анализ влияния произведения на всю эпоху Николая I.

Все споры начались с одного документа: с публикации письма Петра Чаадаева. До сих пор многие историки считают это событие настолько

¹Op. cit. P. 97.

²Op. cit. P. 96.

³Lieven D. The Cambridge History of Russia: Volume 2, Imperial Russia, 1689-1917. London, 2015. P. 96.

⁴Neumann Iver B. Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations. London/New York, 1996. P. 156.

центральным, что оно означает конец русских 1830-х годов и начало того, что часто называют «необычным» или «замечательным» десятилетием 1840-х годов¹.

Почему этот документ так важен? По мнению И. Б. Нейманна, это письмо явное доказательство того, что культура России была именно заимствована с запада. Причем, западных идей старого режима, так как доктрина официальной народности прямо осуждала современные европейские идеи².

Культура России была насыщена европейскими идеями. Причем, это проявлялось не в том, что возникали новые произведения искусства, о которых много написано в Кембриджской монографии под редакцией Д. Ливена, а в том, что данные произведения были насыщены европейскими идеями³.

Перестройка идей происходила в течение 1840-х годов. В «толстых журналах» все чаще использовались два термина «славянофилы» и «западники». Дискуссия о Европе была заложена в общих политических дискуссиях, связанных с влиянием гегельянцев, и поэтому была в значительной степени универсалистской. В 1837 году, например, Станкевич выразил распространенное мнение, почему люди «занимаются народом» вместо того, чтобы стремиться к общечеловеческому и находить свою собственную форму в этом самом процессе: изобретать или придумывать что-то новое для своего народа из своих старых обычаев⁴. О Европе также писали: Н. И. Надеждин, С. П. Шевырев, В. П. Одоевский и другие.

Рассуждения И. Б. Нейманна о культуре и России подтверждает немецкий историк – А. Реннер. В его произведении не найти таких объемных рассуждений на данную тематику, но выводы об этом он делает.

¹Op. cit. P. 140.

²Op. cit. P. 146.

³Op. cit. P. 152.

⁴Neumann Iver B. Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations. London/New York, 1996. P. 154.

По мнению А. Реннера, русская культура начала появляться только через 30 лет после провозглашения теории официальной народности, ведь именно в это время народ начал воспринимать данную культуру.

С быстрым развитием средств информации, в особенности ежедневных газет, с середины 1860-х годов расширился круг «вспоминающей» интеллигенции. Из элитарного дискурса «народность» как субъект переместился в новую форму обыденной культуры. Она жила этим и продолжала существовать благодаря тому, что читатель вспоминал об ее существовании как о чем-то само собой разумеющемся и одновременно постоянно открывал ее для себя вновь¹.

Если сравнить данные идеи с мыслями отечественных историков, то многие русские историки второй половины XX – начала XXI в. согласятся именно с Д. Ливеном.

Так, появились новые учебники, нужные для правильного воспитания современной молодежи того периода. Даже был объявлен конкурс на написание лучшего «русского» учебника, о котором подробно пишет Т. А. Володина. «На учебники истории, к примеру, был объявлен конкурс на лучший, который сочетал бы в себе все принципы новой доктрины, а также пропускавший «щекотливые» темы, такие как: «перевороты, которые ниспровергли систему средних веков и открыли новую историю Европы»; крестовые походы и папская власть; и особенно Реформация, ибо «свобода рассуждать о предметах веры, на коей основан протестантизм, противна нашему порядку вещей»².

Ученых того периода могли не только порицать, как это было сделано с Чаадаевым, но и за явно отличившиеся и понравившиеся императору работы, даже наградить. М. М. Шевченко упоминает об этих поощрениях: «Так

¹Реннер А. Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // Российская Империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 463-464.

²Володина Т. А. Уваровская триада и учебники по русской истории // Вопросы истории. 2004. №2. С. 117.

Отделению русского языка и словесности специальным рескриптом на имя Уварова было выражено благоволение за поднесенный четырехтомный Словарь церковно-славянского и русского языка, опубликованный в 1847 году»¹. Поддерживает М. М. Шевченко и А. Л. Зорин, правда, добавляя, что поощрение исследований области русской истории было единственным предложением «позитивного» характера, которое выдвинул С. С. Уваров².

Как и Д. Ливен, многие исследователи упоминают и о новых журналах эпохи, призванных продвигать именно русское начало. О них пишет М. М. Шевченко, упоминания цитату С. С. Уварова «теперь же, в кругу наших писателей возродилась мысль о народности даже в литературе, и большая часть иноземных идей лишилась своей приманки»³.

Официальная народность» расценивалась как идейная основа не только политики, но и всего «непрогрессивного» в культуре – прозы М. Н. Загоскина, драматургии Н. В. Кукольника, музыки А. Ф. Львова, архитектуры К. А. Тона и тому подобного⁴.

В поддержку идеи Нейманна и Реннера также можно найти последователей не только в Европе, но и Америке, например, у У. Б. Линкольна. Многие русские писатели воспользовались этой формулой и разрабатывали ее в своих работах; большое количество периодики превозносило эти принципы в течение 1830-1840 гг. XIX в. Будучи уверенным, что элемент личного интереса, который вовлек в эту акцию многих с энтузиасткой поддержкой государственной политики и принципов, приносили награды, а сам Уваров сделал ставку на тех, кто освещал его триаду⁵.

¹Шевченко М. М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003. С. 84.

²Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 323.

³Шевченко М. М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003. С. 82.

⁴Познанский В. В. Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX века. М., 1975. С. 146.

⁵Lincoln W. Emperor and autocrat of all the Russians. L., 1978. P. 10.

В России также можно найти похожие идеи историков. Например, А. Г. Зорин, считающий самого С. С. Уварова последователем запада, чьи идеи целиков были заимствованы оттуда и даже новый журнал «Министерства народного просвещения» был написан по примеру Гизо¹.

Таким образом, европейские историки имеют разный взгляд на влияние теории официальной народности на культуру и образование. Данное различие можно обусловить, тем, что монография Д. Ливена была написана с участием и под влиянием некоторых русских ученых, а работы А. Нейманна и И. Б. Реннера с опорой на европейских.

3.2. Влияние теории официальной народности на отношение к нерусским народам Российской империи в европейской историографии

Российская Империя была одной из самых крупных государств XIX столетия. Её площадь достигала больше 20 млрд. квадратных километров. Конечно, в такой большой стране было невозможно иметь только одну народность с оригинальной культурой, языком, обычаями.

По результатам единственной всеобщей переписи населения 1897 года русские как «основной народ государства» составили всего лишь около 44% населения, в то время как украинцев насчитывалось 18%, поляков – 7 %, белорусов – 5%, евреев – 4%, финнов, эстонцев и латышей вместе взятых – 5%, и мусульман Средней Азии, Кавказа и Поволжского–Уральского региона – около 12% населения². Данные народы всегда хотели сохранить свою этническую самобытность, но разное время их пытались в этом ограничить.

Такое ограничение было официально закреплено и в теории официальной народности, чей третий постулат был как раз об этом. Сам С. С. Уварова так объяснял цель «народности» – это необходимость утвердить в

¹Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 348.

²Капелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи. М., 2005. С. 399.

новом поколении европейски образованных людей неразрывную связь национального самосознания с Православной верой и чувством верноподданнического долга перед царем для того, чтобы неизбежные с течением времени перемены не вызвали опасных смут¹. Тем самым, в основе народности оказываются убеждения. Русский человек – это тот, кто верит в свою церковь и своего государя².

Именно поэтому, считать себя русскими могли не все, а только те, кто проповедует православие и предполагает приверженность самодержавию. Автоматически «нерусскими» становились старообрядцы и сектанты в низших слоях общества и обращенные католики, деисты и скептики – в высших, а также любые конституционалисты и республиканцы.

И. Б. Нейманн в своем труде очень большую часть уделяет именно этому вопросу. По его мнению, хорошую концепцию предложил Белинский, называя людей нерусской национальности «людьми без страны». Для него эволюция отдельных людей, а также народов проходит через три этапа. Первый этап – это естественная непосредственность. Второй – один из абстрактных универсализмов разума. Третья фаза характеризуется рациональной реальностью, где две первые тенденции превосходят и примиряются в диалектическом процессе. Группа людей на первом этапе – это люди (народ); только когда он переходит на второй этап, он становится нацией (нация). Современная актуальность этой теории для России казалась ясной: реальный национализм должен был выйти за народность, как это было сформулировано по-разному в доктрине официальной народности³. Таким образом, теория официальной народности, мешала развитию других народов.

Д. Ливен в монографии назвал таких людей «инопланетянами» (инородцами). Термин инородцы (инопланетяне) стали применяться ко

¹Уваров С. С. Письмо Николаю I // Новое литературное обозрение. М., 1997. № 26. С. 96-100.

²Там же. С. 101.

³Neumann Iver B. Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations. London/New York, 1996. P. 153.

многим азиатам империи. Фактический закон, устанавливающий категорию инородцев, был частью Сибирских реформ Михаила Сперанского 1822 года. Как первоначально было определено, инородцы были нехристианскими народами, проживающими в Сибири, которые, по мнению российского правительства, живут на низком уровне цивилизации. Большинство (но не все) инородцы не жили в малоподвижных общинах, и российское правительство (как, надо сказать, другие имперские державы) испытывало неловкость с кочевыми народами¹.

По мере развития девятнадцатого века категория инородцев будет расширена и будет включать в себя ряд небольших (численно) народов Сибири и Дальнего Востока, а также киргизов и – наиболее примечательных – евреев. Однако для Российской империи, этническая принадлежность и язык не играли никакой роли в определении того, принадлежит ли эта категория к этой категории. Однако, к более позднему девятнадцатому столетию в популярном, а в некоторой степени официальном, употреблении термин инородец приобрел коннотацию «нерусский» и даже использовался для описания христиан, таких как поляки².

Именно на поляков обращают внимание многие историки, считая их самым «проблемным» народом для России. О них, например, пишет А. Реннер, указывая нам на журнал «Московские ведомости» в ходе Польского восстания 1863-1864 гг., где было сказано, что «такая народность как русская, которая с большим трудом и в течение веков защищала государство, должна была требовать от живущих на ее территории народностей (польской) признания ее исторических заслуг»³. Тем самым, сама идея теории официальной

¹Lieven D. The Cambridge History of Russia: Volume 2, Imperial Russia, 1689–1917. London, 2015. P. 97.

²Lieven D. The Cambridge History of Russia: Volume 2, Imperial Russia, 1689-1917. London, 2015. P. 98.

³Реннер А. Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // Российская Империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 458.

народности не могла себе позволить иметь какую-либо другую народность, кроме русской. Имперский патриотизм был национализирован¹.

Хотя сами «Московские ведомости» не выступали с пропагандой подавления или безоглядной русификации польского народа, имея в виду не больше чем правовую унификацию на государственном уровне².

Газета «День» редактора Аксакова зашла еще дальше, считая польскую национальность – чужой и враждебной и предлагая вытеснить ее из «тела» российской нации³.

Такие газеты, как «День», «Московские ведомости», по мнению А. Реннера подогревали ненависть обычного русского народа к полякам⁴, были своеобразным «радио» для передачи идей теории официальной народности.

О довольно близких народах к полякам, об украинцев и белорусов, пишет такой историк, как А. Каппелер. В начале провозглашения теории официальной народности к данным народам относились с симпатией к их танцам и песням. Когда же национальное украинское движение к середине XIX века сформулировало свои политические цели и заявило о стремлении к отделению от русской нации (как минимум, предполагаемому), царское государство забило тревогу и перешло к репрессивным мерам, таким, как запрет изданий на украинском и белорусском языках. То, что эти запреты были изданы сразу после польского восстания 1863 года, указывает на тесную взаимосвязь с польским вопросом. По отношению к украинцам и белорусам самодержавное государство вплоть до 1905 года вело особенно репрессивную политику русификации, которая тормозила национальные движения: занятия в школах и периодические издания на обоих языках не допускались⁵.

¹Там же.

²Реннер А. Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // Российская Империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 459.

³Там же. С. 460.

⁴Там же. С. 461.

⁵Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 410.

Данная политика для этих двух народов была, в основном, одинаковая, но у украинцев, в отличие от белорусов, существовали некоторые преимущества. Украинское национальное движение действовало уже к началу XIX века, тогда как белорусское – самое раннее – в 30-х годах XIX века¹.

В 1867 году Александр II призвал ввести русский язык в школах Эстонии и ликвидировать традиционные балтийские немецкие привилегии в этом районе – предвестник русификационной политики Александра III после 1881 года².

В одном случае, однако, Николай принял более активную политику в отношении нерусских. По мнению Д. Ливена, его царствование было свидетелем серьезных мер, направленных на разрушение еврейских корпоративных структур. При Николае евреи были подвергнуты военному проекту. Еще более известно, несовершеннолетние еврейские мальчики были призваны в так называемые «кантонисты». В то же время министр образования Николая, Уваров, попросил помощь у просвещенного еврейского педагога, доктора Макса Лилиентала, создать государственные еврейские школы³.

Хотя в Вильне, Житомире и Варшаве были созданы правительственные «раввинистические институты», они в конечном итоге не смогли создать желаемую «просвещенную еврейскую общину», предусмотренную реформаторами. Еще один проект, направленный на повышение еврейской «продуктивности», – это программа, призванная побудить евреев заняться сельским хозяйством, особенно в малонаселенном регионе к северу от Черного моря. Опять же, политика имела в лучшем случае ограниченные последствия. Более важным изменением было упразднение Николаем еврейского кахала (автономной общины) в 1844 году. Тем не менее, в вопросах семейной жизни и религиозных практик русские еврейские общины были

¹Там же. С. 411.

²Lieven D. The Cambridge History of Russia: Volume 2, Imperial Russia, 1689-1917. London, 2015. P. 99.

³Op. cit. P. 102.

незначительно затронуты государственной политикой даже в конце царствования Николая¹.

Историк И. Б. Нейманн указывает на то, что такая политика была присуща не только для России. С такими же идеями выступали Германия, Италия, а также другие страны. «И Германия, и Италия, и Россия были не единственными местами, где предпринимались попытки примирить национальные и всеобщие настроения»².

Если говорить об историках других стран, то их мнения на этот счет во многом схожи с историками европейскими. Хотя и среди них можно найти довольно оригинальные мысли об этом.

Ц. Х. Уитекер говорит о том, что все идеи С. С. Уварова напоминают советскую доктрину национальной политики. Он сумел убедить царя, что Министерство народного просвещения может «идти в главе других частей высшей администрации» и примерно через поколение добиться мирной интеграции всех народов. Как и во многих других сферах, он собирался только заложить фундамент, не рассчитывая на немедленные результаты. Главное – было двигаться вперед медленно и осторожно, чтобы не разбудить «туземный дух»³.

Действительно, если посмотреть с другой точки зрения на деятельность Уварова, становится ясно, что она предполагала уважение к местным культурам, а не их подавление – чтобы опять-таки «не возбуждать» враждебность.

Тоже самое подтверждает и русский историк М. М. Шевченко: «Сочетая в учебной системе польские и русские образовательные элементы, Уваров надеялся поспособствовать через преодоление языкового барьера сближению

¹Op. cit. P. 103.

²Neumann Iver B. Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations. London/New York, 1996. P. 155.

³Уитекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. С. 216.

двух народов в рамках Российской империи и ориентировал своих приближенных на благожелательное отношение к польской молодежи»¹.

Польское восстание 1830-1831 гг. поставило правительственную идеологию и общественное мнение перед необходимостью осмыслить трудный вопрос: совпадает ли понятие «Российская империя» с понятием «Россия». Погодин, получив известия о восстании, записал в своем дневнике: «Польша начинается за Смоленском. Страшно»².

Такие меры, призванные успокоить народы страны, на которое время достигли цели и поддерживали порядок и спокойствие всего государства. Но все же, эффект политики официальной народности до некоторой степени имел и дестабилизирующий характер. Тем самым удалось затормозить пока еще слабые национальные движения – украинцев, белорусов, румын. Важнее, однако, было то, что нерусские элиты на западе и юге империи (поляки, прибалтийские немцы, шведы в Финляндии, армяне), которые были гарантами ее стабильности в игре против верхних слоев, из-за насильственных мероприятий, направленных против неправославных церквей, и из-за ассимилирующей языковой политики стали мобилизоваться в национальном плане³.

¹Шевченко М. М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003. С. 105.

²Володина Т. А. Уваровская триада и учебники русской истории // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 89.

³Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 401.

ГЛАВА 4. «ТЕОРИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ» В СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ

4.1. «Теория официальной народности» в школьных учебниках по истории

Являясь важнейшим носителем содержания образования и одновременно одним из основных средств обучения, учебник – учебная книга, как никакая другая книга, несёт в себе своеобразие присущей ей формы, нуждается в глубоко продуманном структурировании конструкции этой формы для оптимальной реализации содержания. Л. Н. Алексашкина – доктор педагогических наук, один из авторов учебников и нормативной документации по истории, говоря о важности учебной книги, называет школьные учебники своего рода «зерцалом» существующих в конкретном обществе представлений о давнем и недавнем прошлом¹.

В конце XX – начале XXI в. в разработке учебников истории для российской общеобразовательной школы в последние два десятилетия произошли существенные изменения. Во-первых, это кардинальное обновление содержания школьных учебников. Во-вторых, это переход от прежнего единого (единственного) учебника для каждого курса истории к альтернативным учебникам (затем – «линейкам» учебников), различавшимся

¹Алексашкина Л. Н. Школьные учебники истории в период общественной трансформации: исторический и дидактический аспекты // Преподавание истории в школе, 2014. № 1. С. 10.

содержанием и характером изложения учебного материала, дидактической системой, методическим решением¹. Это обновление содержания материала в отечественных учебниках прослеживается при проведении сравнительного анализа текстов по разным темам, в частности, по истории XIX в. Такие изменения обусловлены, прежде всего, радикальным преобразованием всех сторон общественной жизни, качественное обновление методологии исторической и педагогической наук, курс на интеграцию в мировое образовательное пространство.

Теория «официальной народности» является одной из базовых тем при изучении общественной мысли XIX в. Именно поэтому данная проблема не пропускается авторами школьных и вузовских учебников, но раскрывается совершенно по-разному.

Для анализа нами были взяты семь учебников по истории России для учащихся 8-х и 9-х классов общеобразовательных организаций крупных издательств Российской Федерации, участвующих в подготовке учебной и методической литературы – «Просвещение», «Дрофа» и «Мнемозина»:

1. Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. XIX век²;
2. Захарова Е. Н. История России. XIX – начало XX века³;
3. Зырянов П. Н. История России. XIX век⁴;
4. Лавандовский А. А. История России. XIX век⁵;
5. Лященко Л. М. История России. XIX век⁶;
6. Сахаров А. Н., Боханов А. Н. История России. XIX век⁷;
7. Торкунов А. В. История России⁸.

¹Там же.

²Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. XIX век. М., 2012. 287 с.

³Захарова Е. Н. История России. XIX – начало XX века. М., 2010. 288 с.

⁴Зырянов П. Н. История России. XIX век. М., 2010. 234 с.

⁵Лавандовский А. А. История России. XIX век. М., 2014. 272 с.

⁶Лященко Л. М. История России. XIX век. М., 2012. 237 с.

⁷Сахаров А. Н., Боханов А. Н. История России. XIX век. М., 2012. 288 с.

⁸История России. М., 2001. 160 с.

Данные учебники выбраны на основании того, что учащиеся 9-х классов в рамках школьного обучения истории впервые подробно останавливаются на изучении темы идеологических течений XIX в.

Приступая к обзору учебников по истории России, сначала обратимся к рассмотрению тех позиций, по которым они будут сравниваться, а именно – к дидактическим единицам, т.е. к обязательному минимуму содержания исторического материала (по ФК ГОС ОО и примерным программам по истории).

Так в ФК ГОС ОО указаны следующие дидактические единицы в рамках изучения темы «Общественные движения XIX в.»: Общественная жизнь во второй четверти XIX в.: официальная государственная идеология, западники и славянофилы, утопический социализм¹.

В документах, обеспечивающих реализацию ФК ГОС ОО, – примерных программах по истории – обязательный минимум содержания материала представлен более подробно. Например, в программе по истории для 5-11 классов даны следующие дидактические единицы, которые конкретизируются по отдельным темам: Историческая судьба России и антикрепостнические идеи в общественном сознании россиян. Теория официальной народности. С. С. Уваров².

Проанализировав основные современные учебники, можно сделать вывод, что ряд школьных авторов затрагивает триаду лишь поверхностно, останавливаясь на перечислении постулат и их краткой характеристики. Об этом свидетельствует отведенное количество страниц на данную тему в сравнении с общим объемом учебника (см. *Таблицу 1*).

Таблица 1

Объем материала, отведенного в учебниках на тему Теория официальной народности (в страницах и параграфах)

¹Сборник нормативных документов. История. С. 18.

²История с древнейших времён до наших дней: программа. 5-11 классы. С. 138.

Линия сравнения Название учебника	Общее название темы	Количество страниц, отведённых на данную тему
1. Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. XIX век ¹ ;	Общественные движения в годы правления Николая I. Консервативное движения	Всего страниц – 323. На тему – 1.
2. Захарова Е. Н. История России. XIX – начало XX века ² ;	Общественная мысль в 1830-1850-х годах. Охранители	Всего страниц – 292. На тему – 1.
3. Зырянов П. Н. История России. XIX век ³ ;	Николай I и его империя. Теория «официальной народности»	Всего страниц – 321. На тему – 2.
4. Лавандовский А. А. История России. XIX век ⁴ ;	Николай I и его система управления. Теория «официальной народности»	Всего страниц – 275. На тему – 2,5
5. Лященко Л. М. История России. XIX век ⁵ ;	Общественное движение в России в 30-50-е гг. Консерваторы и либералы	Всего страниц – 273. На тему - 1,5
6. Сахаров А. Н., Боханов А. Н. История России. XIX век ⁶ ;	Политический сыск и теория официальной народности. С. С. Уваров и теория официальной народности	Всего страниц – 289. На тему - 2
7. Торкунов А. В. История России ⁷ .	Общественное движение при Николае I. Консервативное направление	Всего страниц – 162. На тему - 1

¹Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. XIX век. М., 2012. 287 с.

²Захарова Е. Н. История России. XIX – начало XX века. М., 2010. 288 с.

³Зырянов П. Н. История России. XIX век. М., 2010. 234 с.

⁴Лавандовский А. А. История России. XIX век. М., 2014. 272 с.

⁵Лященко Л. М. История России. XIX век. М., 2012. 237 с.

⁶Сахаров А. Н., Боханов А. Н. История России. XIX век. М., 2012. 288 с.

⁷История России. М., 2016. 160 с.

Например, в учебнике под редакцией А. В. Торкунова¹ С. С. Уварову и его теории отдается меньше половины страницы под заголовком «Консервативное направление». На ней авторы весьма сжато раскрыли сущность консерватизма, определяя его как «взаимно полезный союз просвещенного государя и народа», обратились к самому министру народного просвещения, не назвав даты нахождения его на данной должности, а только приписали ему авторство теории².

В таком же русле раскрывают тему в своем учебнике и А. А. Данилов, Л. Г. Косулина³, делая вывод о том, что «крупнейшими теоретиками консервативного направления были также историки Н. Г. Устрялов, М. П. Погодин, драматург и поэт Н. В. Кукольник, писатели Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч, М. Н. Загоскин»⁴.

В. П. Попов лишь добавляет то, что «теория официальной народности» нашла выражение в государственном гимне «Боже, царя храни» (музыка А. Ф. Львова, слова В. А. Жуковского), созданном в 1833 г. по личному указанию и наставлениям Николая I⁵.

Более развернутую версию представляет А. Н. Сахаров⁶, у которого анализу уваровской триады отдается полторы страницы. Явным отличием от уже названных нами авторов является то, что А. Н. Сахаров не только характеризует саму теорию, но и дает ученикам ознакомиться с краткой биографией само министра народного просвещения⁷, а также предоставляет возможность познакомиться с документами того периода⁸. По мнению историка, «Уваров лишь призывал русских людей не превращаться в умственных рабов иностранных учений, уважать прошлое, дела предков и не

¹Там же. С. 100.

²Там же. С. 101.

³Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. XIX век. М., 2012. 287 с.

⁴Там же. С. 161.

⁵Попов В. П. История России. XIX в. М., 2014. С. 281.

⁶Там же. С. 331.

⁷Сахаров А. Н., Боханов А. Н. История России. XIX век. М., 2012. С. 155.

⁸Там же. С. 154.

забывать, что в российском прошлом и настоящем очень много неповторимого и своеобразного»¹.

Интересный вариант раскрытия темы представляет Е. Н. Захарова. В том же русле, что и А. Н. Сахаров, историк раскрывает документы того периода, в том числе речи самого С. С. Уварова, в которых объясняется основной смысл официальной триады². Вместе с тем автор раскрывает и ближайших сподвижников министра. Например, такого как С. П. Шевырев, которому, по мнению Е. Н. Захаровой «нравились идея самобытности русской нации»³, и, благодаря ей, он построил деревянный дом в виде избы.

В учебнике П. Н. Зырянова раскрываются отрицательные стороны идеологии С. С. Уварова. Он считает, что у нее не было «творческого, созидательного заряда»⁴, также «замалчивалась теневая сторона русской жизни»⁵.

Положительные аспекты раскрыты в учебнике Л. М. Лященко, который считает, что «триада С. С. Уварова оказалась на редкость удачным изобретением»⁶. По мнению историка, русская монархия действительно издревле опиралась на поддержку Церкви, а вера в «доброго царя» жила в народе на протяжении столетий и в XIX в. отнюдь не умерла»⁷.

Что касается учебных заданий, то в названных нами учебниках, каждый автор ответ 1-2 вопроса после параграфа на раскрытие темы триады С. С. Уварова. Из всех автор выделяется А. А. Лавандовский, который на закрепление темы отводит работу с документом, предоставляя учащимся доклад С. С. Уварова в 1834 и предлагая несколько вопросов к нему⁸.

¹Там же. С. 155.

²Захарова Е. Н. История России. XIX – начало XX века. М., 2010. С. 86.

³Там же.

⁴Зырянов П. Н. История России. XIX век. М., 2010. С. 73.

⁵Там же.

⁶Лященко Л. М. История России. XIX век. М., 2012. С. 72.

⁷Там же.

⁸Лавандовский А. А. История России. XIX век. М., 2014. С. 82.

Можно сделать вывод, что все просмотренными нами авторы придерживаются тех дидактических единиц, которые прописаны в нормативных документах. Существенным недостатком можно назвать отсутствие во многих дополнительного материала о С. С. Уварове, а также работы с текстом, без которых понять саму суть триады очень сложно.

4.2. «Теория официальной народности» учебниках по истории для вузов и сузов

Совершенно другой подход виден у авторов учебников для вузов и сузов, пишущих пособия для абитуриентов и студентов неисторических специальностей.

Для анализа нами были взяты четыре учебника по истории России для студентов высших и средних профессиональных образовательных учреждений крупных издательств Российской Федерации, участвующих в подготовке учебной и методической литературы – «Феникс», «Дашков и К» и «АСТ-ПРЕСС ШКОЛА», «Проспект»:

1. Орлов А. С., Полунов А. Ю., Тарашченко Ю. Я. Основы курса истории России¹;
2. Кацва Л. А. История Отечества²;
3. Самыгин П. С. История³;
4. Чернобаев А. А. История России⁴.

¹Орлов А. С., Полунов А. Ю., Терещенко Ю. Я. Основы курса истории России. М., 2012. 242 с.

²Кацва Л. А. История Отечества. М., 2018. 267 с.

³Самыгин П. С. История. Ростов н/Д, 2010. 478 с.

⁴Чернобаев А. А. История России. М., 2001. 479 с.

Если говорить об объеме материала, то ситуация с учебниками для вузов и сузов аналогична с учебниками школьными (см. Таблица № 2).

Таблица 2

**Объем материала, отведенного в учебниках на тему Теория
официальной народности (в страницах и параграфах)**

Линия сравнения Название учебника	Общее название темы	Количество страниц, отведённых на данную тему
1. Кацва Л. А. История Отечества ¹	Идеология. Теория официальной народности	Всего страниц – 848. На тему – 1.
2. Орлов А. С. Полунов А. Ю., Терещенко Ю. Я. Основы курса истории России ² ;	Общественное движение второй четверти XIX в. «Официальная народность»	Всего страниц – 576. На тему – 0.5.
3. Самыгин П. С. История ³ ;	Общественно-политическое движение в России в 30-50-е гг. XIX в.	Всего страниц – 481. На тему – 0.5.
4. Чернобаев А. А. История России ⁴ ;	Общественно-политическая мысль в 20-50-е годы XIX в.	Всего страниц – 241. На тему – 1

Например, А. Г. Орлов находит предпосылки возникновения этой триады, считая, что уже в XIX в. Н. М. Карамзин думал о необходимости сохранения мудрого самодержавия, которое, по его мнению, «основало и воскресило Россию». Выступление декабристов активизировало консервативную общественную мысль⁵.

Л. В. Кацва идет дальше, раскрывая не только предпосылки и причины создания теории «Официальной народности», но и ее последствия как для

¹Кацва Л. А. История Отечества. М., 2018. 267 с.

²Орлов А. С., Полунов А. Ю., Терещенко Ю. Я. Основы курса истории России. М., 2012. 242 с.

³Самыгин П. С. История. Ростов н/Д, 2010. 478 с.

⁴Чернобаев А. А. История России. 479 с.

⁵Орлов А. С., Полунов А. Ю., Терещенко Ю. Я. Основы курса истории России С. 242.

России, так и самого С. С. Уварова. Так, в учебнике раскрывается судьба П. Я. Чаадаева, который «посеял» сомнения в великолепии российской действительности¹. Увольнение министра народного просвещения С. С. Уварова связывается с неудачной попыткой противопоставить революционной угрозе воспитание преданности к престолу и церкви. Именно это, по мнению Л. В. Кацвы, способствовало идейному кризису власти, который окончательно оттолкнул общество².

Интересный подход выбирает и А. А. Чернобаев. Так, автор уделяет большое внимание именно «народности» как главному постулату из всей триады. Так, по мнению историка, за «народность» выступали все направления русской общественной мысли – от консервативной до революционной, каждое вкладывало в это понятие совершенно разное понятие. Революционное ратовало за «народность» в плане демократизации народной культуры, просвещение народных масс в духе своих идей и видело в народе социальную опору радикальных преобразований в стране. Консервативно-охранительное направление в условиях пробуждения национального самосознания русского народа тоже апеллировало к «народности». Но «народность» трактовалась им как приверженность народных масс к «исконно русским началам» – самодержавию и православию³.

Но бывают и другие крайности. Некоторые авторы проходят эту тему стороной, раскрывая только основы теории: три постулата, фамилию ее основателя⁴.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод, что авторы как школьных учебников, так и учебников для вузов и сузов неисторических специальностей совершенно по-разному подходят к раскрытию темы «Теория официальной народности». Так, некоторые отдают предпочтению раскрытию

¹Кацва Л. А. История Отечества. С. 267.

²Там же. С. 268.

³Чернобаев А. А. История России. М., 2001. С. 193.

⁴Самыгин П. С. История. М., 2007. С. 239.

идей самого С. С. Уварова, для других – важно понимание его последователей. Абсолютно все авторы раскрывают содержание самой триады, но у всех оно разное по содержанию и акцентам на определенных идеях. Объем глав имеет маленькую наполняемость, по сравнению со всем объемом учебников, что является, по нашему мнению, большим минусом, так как учащиеся могут не замечать явной связи триады с самого политикой Николая I и следующих за ним императоров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как и любой другой исторический феномен, «теория официальной народности» не имеет и не может иметь однозначной оценки. Термин этот укоренился в научном сознании, но конкретно-историческое его содержание истолковывается неоднозначно, возникают споры о корректности его использования в тех или иных случаях. Практически в любой работе, посвященной царствованию Николая I, присутствует та или иная трактовка «триады». Но, к сожалению, до сих пор не существует ни одного обстоятельного труда, в котором бы данная тема рассматривалась бы беспристрастно и комплексно, где была бы раскрыта эволюция этой теории, ее смысл и дальнейшая роль для русской политической традиции в широкой исторической перспективе. А изучение «теории официальной народности» невероятно важно не только с точки зрения истории, рассмотрения ее в контексте царствования Николая I, но и с позиций возможной ее роли в решении проблем современной России.

В ходе работы нами были сделаны следующие выводы:

В современном мире как отечественные, так американские и европейские исследователи только начинают детальный анализ всей деятельности Николая I, в частности, связанной с провозглашением теории

официальной народности. Наблюдаются явно противоположные заключения исследователей. Например, по мнению А. Л. Янова, в последнее время набирают в интеллектуальных кругах – и на Западе, и в России – силу попытки реабилитировать николаевский режим, или как деликатно выразился Б. Линкольн «восстановить баланс в пользу Николая»¹. Противостоит ему М. М. Шевченко, который в ряде своих статей, призывает отказаться от термина «теория официальной народности», так как он не столько объясняет консервативные тенденции в российской истории XIX – начала XX в., сколько запутывает или блокирует их серьезное изучение².

Попытку написать специальную работу сделал американский историк Н. В. Рязановский. Но главный минус его исследования – это ограниченная источниковая база, опирающаяся в основном только на современников С. С. Уварова. Среди русских такую попытку сделала Л. М. Дурдыева, пытаясь объяснить истоки возникновения теории. У европейских же историков полноценной работы по данному периоду нет, мы можем рассматривать лишь отдельные статьи или части монографии, которые прямо или косвенно затрагивают данную проблему.

Конечно, анализируя уваровскую триаду, появились, как и те, кто негативно отзывались в целом о ее основном содержании, так и те, кто видели в ней положительные моменты. Расхождения во взглядах исходят прежде всего от влияния определенной страны, а также от симпатий к правителям, в частности к Николаю I. Как справедливо указывал А. Зорин, эта идеология хоть и была взята на вооружение государством, но была плохо разработана. Вернее, ее содержание не было до конца разъяснено и вызывало множество споров³. Такого же мнения придерживается и Никитенко, обобщая все

¹Янов А. Л. Россия против России. Очерки истории русского национализма. 1825–1921 гг. Новосибирск, 1999. С. 63.

²Шевченко М. М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003. С. 165.

³Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 341-342.

царствования Николая I, «главный недостаток этого царствования в том, что все оно было ошибкой»¹.

Восприятие влияния теории официальной народности А. Каппелером и А. Реннером очень схоже, И. Б. Нойманном и Д. Ливеном на ряд вопросов имеют совершенно противоположное мнение. Это очень интересно, так как источники и литература, использованные авторами, в большинстве своем совпадают.

Но, так или иначе, в этих спорах никогда не будет ни правых, ни виноватых, а сами споры переросли границы страны, приобретя мировой характер.

Просматривая работы, мы увидели, что теория официальной народности является одним из основных вопросов в исследованиях по периоду XIX вв. Особое внимание уделяется триаде при рассмотрении таких вопросов как культура, образование, а также жизнь нерусских народов в Российской Империи.

В отношении культуры XIX в. у европейских историков мнения значительно разнятся. И, если Д. Ливен указывает нам на то, что в это время появилось много произведений, что является фактом развития «исконно русской» культуры, то И. Б. Нойманн считает, что письмо Чаадаева – явное доказательство того, что культура России была именно заимствована с запада. По мнению А. Реннера, русская культура начала появляться только через 30 лет после провозглашения теории официальной народности, ведь именно в это время народ начал воспринимать данную культуру. А. Каппелер, к сожалению, о культуре пишет немного.

Переходя к народам, мы уже можем найти более схожие оценки. По мнению абсолютно всех рассматриваемых нами авторов, народы России, а именно поляки, белорусы, украинцы и другие – в какой-то мере были ограничены в своих правах, отсюда возникали различные восстания и

¹Никитенко А. В. Дневник: В 3 кн. Л., 1955. Т. 1. С. 421.

недовольства. По мере развития девятнадцатого века категория инородцев будет расширена и будет включать в себя ряд небольших (численно) народов Сибири и Дальнего Востока, а также киргизов и – наиболее примечательных – евреев.

При анализе содержания темы теории официальной народности на страницах современных российских школьных учебников и учебников среднего и высшего образования по истории можно сделать выводы о том, что данная тема представлена достаточно объективно и соответствует заявленным в нормативно-правовой документации дидактическим единицам.

Сравнивая оснащённость учебников истории России по данной теме следует отметить, что он представлен очень разнопланово, со своими характерными особенностями в каждом отдельно взятом учебнике. Отдельным авторам следует обратить внимание на включение дополнительных текстов – исторических источников как в учебники, так и в сам процесс обучения, обеспечив их видовое разнообразие и сопроводив качественным и уместным методическим аппаратом – вопросами и заданиями.

Состояние учебной литературы – весьма болезненная проблема современного школьного исторического образования. Представления о том, каким быть современному учебнику истории, сегодня сильно различаются.

В перспективе к изучению темы работы может быть привлечено большее количество анализируемых учебников и авторских работ с целью получения более объективных результатов исследования.

Резюмируя, можно сказать то, что, закрепление консервативной идеологии в виде уваровской триады явилось завершающим этапом, кульминацией в формировании абсолютистской парадигмы российского самодержавия. Империя окончательно осознала себя как единую геополитическую сущность, а консерватизм дал ей теоретическое обоснование.

Конечно, нельзя абсолютно утверждать, что именно это триада явилась причиной потрясений в России уже в начале XX в. Но одно ясно точно –

теория официальная народности очень сильно повлияла на внешнюю и внутреннюю политику Российской империи XIX в., изменив ее до неузнаваемости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

Исторические источники:

1. Уваров С. С. О некоторых началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения. 19 ноября 1833 года // Река Времени: Книга истории и культуры. Кн. I. – М., 1995. – С. 67-72.
2. Уваров С. С. Письмо Николаю I // Новое литературное обозрение. – М., 1997. № 26. – С. 96-100.

Школьные и вузовские учебники:

1. Захарова Е. Н. История России. XIX – начало XX века. 8 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений. – 5-е изд., стер. – М. : Мнемозина, 2010. – 288 с.
2. Зырянов П. Н. История России. XIX век. 8 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений. – 10-е изд., стереотип. – М. : Дрофа, 2010. – 234 с.
3. Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. XIX век. 8 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений – 13-е изд. – М. : Просвещение, 2012. – 287 с.
4. История России. 9 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 1. / Под общ. ред. А. В. Торкунова. – М. : Просвещение, 2016. – 160 с.

5. История России: Учеб. для вузов/ Под общ. Ред. М. Н. Зуева, А. А. Чернобаева. – М. : Высш. Шк., 2001. – 479 с.

6. Кацва Л. А. История Отечества. Справочник для школьников и поступающих в вузы. – М. : Аст-Пресс, 2018. – 267 с.

7. Лавандовский А. А. История России. XIX век. 8 класс: учеб. для общеобразоват. Организаций / под ред. А. Н. Сахарова; Рос. акад. наук, Рос. акад. Образования, изд-во «Просвещение». – М. : Просвещение, 2014. – 272 с.

8. Лященко Л. М. История России. XIX век. 8 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений. – 12-е изд., стереотип. – М. : Дрофа, 2012. – 237 с.

9. Пашков Б. Г. История России. XVIII – XIX века: Учеб. для 8 кл. общеобразоват. учеб. заведений. – М. : Дрофа, 200. – 304 с.

10. Попов В. П., Киселев А. Ф. История России. XX – начало XXI века. 9 класс. – М. : Дрофа. 2014. – 281 с.

11. Самыгин П. С. История / П. С. Самыгин и др. – Изд. 7-е. – Ростов н/Д: «Феникс», 2007. – 478 с.

12. Сахаров А. Н., Боханов А. Н. История России. XIX век: учебник для 8 класса общеобразовательных учреждений – 12-е изд. – М. : ООО «Русское слово – учебник», 2012. – 288 с.

13. Орлов А. С., Полунов А. Ю., Терещенко Ю. Я. Основы курса истории России: учебник. – М. : Проспект, 2012. – 242 с.

Историографические источники:

1. Белозерцев Е. П. Образование: историко-культурный феномен: курс лекций // СПб. : Изд-во Р. Арасланова «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 672-677.

2. Большакова О. В. П. А. Зайончковский и его американские ученики // Отечественная история. 2004. № 4. – С. 92-170.

3. Большакова О. В. История России в гендерном измерении: Современная зарубежная историография: Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории. – М. : РАН ИНИОН, 2010. – 122 с.

4. Блоханов А. Н. Самодержавие. Идея царской власти. – М. : Русское слово, 2002. – 342 с.
5. Володина Т. А. Уваровская триада и учебники по русской истории // Вопросы истории. 2004. №2. – С. 117-128.
6. Дурдыева Л. М. С. С. Уваров и теория официальной народности: автореф. дис. ... канд. пед. наук : 07.00.02. – М., 1996. – 258 с.
7. Егоров Б.Ф. Очерки по истории русской культуры XIX в. Официальная идеология // Из истории русской культуры. Т. V (XIX в.). – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 81-82.
8. Емельянова И.А. Историко-правовая наука России XIX в. История русского права. Методологические и историографические очерки. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. – С. 10-12.
9. Жуковская Т.Н. С.С. Уваров и воссоздание Санкт-Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. – СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1998. Вып. VII. – С. 56-74.
10. Заболотная А. С. Теория официальной народности как идейно-теоретическое и философско-правовое обоснование самодержавия в России // Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 4. – С. 2-12.
11. Зипунникова Н. Н. Идеологема «самодержавие–православие–народность» в политике государства в сфере образования // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2010. № 4. – С. 11-12.
12. Зорин А. Заветная триада : Меморандум С. С. Уварова 1832 года и возникновение доктрины «православие–самодержавие–народность» / А. Зорин // Кормя двуглавого орла... : Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. – М. : Новое литературное обозрение, 2004. – 343 с.
13. Иванов И. И. История русской критики. – СПб. : Изд. журнала «Мир божий», 1898-1900. Ч. 3-4. 1900. – 716 с.

14. Иванов О. А. Идеология православие, самодержавие, народность С. С. Уварова // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: Вып. 1. 2001. – 126 с.
15. Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. – М. : Прогресс–Традиция, 2005. – 399 с.
16. Каппелер А. Россия как полиэтническая империя. – М. : Прогресс–Традиция, 2000. – 344 с.
17. Киселева Л. Н. Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник. – М., 1997. Вып. 2. – 279 с.
18. Кошелев В. А. Славянофилы и официальная народность // Славянофильство и современность. – СПб. : Наука, 1994. – 124 с.
19. Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учебное пособие. 2-е изд. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 440 с.
20. Петров Ф. А. М. П. Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете. – М., 1995. – 57 с.
21. Познанский В. В. Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX века. – М. : Мысль, 1975. – 223 с.
22. Реннер А. Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // Российская Империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М. : Новое издательство, 2005. – 489 с.
23. Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. – 304 с.
24. Сендеров В. А. Православие. Самодержавие. Народность. Европейский проект для России // Вопросы философии. 2013. №10. – С. 116-123.
25. Тарасов И. Т. Самодержавие и абсолютизм. – М. : печ. А.И. Снегиревой, 1917. – 145 с.
26. Уитекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. – СПб. : Академический проект, 1999. – 350 с.

27. Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. – М. : ОГИ, 2004. – 794 с.
28. Федоров В. А. Рецензии. Николай В. Рязановский. Николай I и «официальная народность» в России (1825–1855) // Вопросы истории. 1960. №8. – С. 180-215.
29. Федосов И. А., Долгих Е. В. Российский абсолютизм и бюрократия // Очерки русской культуры XIX века. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 167 с.
30. Шевченко М. М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. – М. : Три квадрата, 2003. – 272 с.
31. Янов А. Л. Россия против России. Очерки истории русского национализма. 1825-1921 гг. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. – 398 с.
32. Lincoln W. B. Nicholas I. Emperor and autocrat of all the Russians. – L. : Northern Illinois University Press, 1978. – 424 p.
33. Neumann Iver B. Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations. – London/New York: Routledge, 1996. – 387 p.
34. Riasanovsky V. Nicolas I and Official Nationality in Russia, 1825-1855. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1959. – 292 p.
35. The Cambridge History of Russia: Volume 2, Imperial Russia, 1689–1917. – London: Cambridge University Press, 2015. – 806 p.

Интернет-ресурсы:

1. Журнал Министерства Народного Просвещения [Электронный ресурс] // URL: <http://www.archive.org/details/zhurnalminister03prosgoog> (дата обращения: 25.11.2018).
2. Уваров С. С. Десятилетие Министерства народного просвещения, 1833-1843 [Электронный ресурс] // URL: http://elib.gnpbu.ru/text/uvarov_desyatiletie-mnp_1864/fs,1/ (дата обращения: 25.11.2018).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

КОНСПЕКТ УРОКА ИСТОРИИ

Тема: «Консерватизм в первой половине XIX» (1 ч);

Класс: 9 (курс: «История России»);

Тип урока: Комбинированный урок;

Форма урока: Традиционная;

Вид урока: Урок-беседа;

Цель урока: Дать учащимся представления о консерватизме XIX в. через самостоятельную деятельность школьников.

Задачи урока:

Обучающие:

- Познакомить учащихся со взглядами консерваторов;
- Раскрыть для учащихся основные факты биографии С. С. Уварова, его влияние на политику императора

Развивающие:

- Формировать умение публичных выступлений;
- Развить психические процессы (память, воображение, речь, мышление),
- Научить учащихся применять ранее полученные знания для формирования целостной картины изучаемого предмета;

Воспитательная – Воспитать интерес к истории.

Оборудование: учебник «История России. 9 класс» под общ. ред. А. В. Торкунова (М. : «Просвещение», 2016), § 12, компьютер, проектор, презентация.

Ход урока

Этап урока	Деятельность учителя	Деятельность учащихся
Организационный этап	Взаимное приветствие	
	Здравствуйте, ребята. Садитесь, пожалуйста.	Учащиеся встают. Учащиеся садятся.
	Проверка присутствующих	
	Давайте проверим, кто сегодня присутствует на уроке. Если я ошибусь в фамилии, поправьте меня. Учитель проверяет учащихся по журналу.	Учащиеся проверяют, все ли у них лежит на парте.
	Проверка готовности к уроку	
	Все взяли с собой учебники и тетради? Если все, то след.этап. Если кто-то забыл учебник, то учитель пересаживает забывшего учебник ученика к ученику, у которого он есть. А если кто-то забыл тетрадь, то учитель просить ученика взять листок и писать на нем, а дома переписать все в тетрадь по предмету.	Учащиеся проверяют, все ли у них лежит на парте.
Проверка домашнего задания	В прошлый раз мы с вами прошли либеральное и революционное движения. Фронтальный опрос.	Учащийся выходят к доске и пересказывают тему.

	«Имя ученика», готов рассказать о либеральных течениях? Выходи к доске. Спасибо, кто-нибудь хочет что-то добавить? «Имя ученика», выходи к доске рассказать о революционных течениях.	Учащиеся дополняют одноклассника.
Актуализация знаний и умений	Ребята, давайте вспомним, чем закончилось правление Александра I? Какие события произошли до присяги Николая I? Верно. Кто воспользовался этой ситуацией? Давайте вспомним некоторых из них. Как Николай отреагировал на данное событие? Как изменилась его политика? С помощью фронтального опроса учитель проверяет знание реформ Николая и их значение	Учащиеся отвечают: После смерти Александра I власть должна была перейти к Константину, но тот отказался от престола, поэтому власть перешла следующему брату по старшинству – Николаю Павловичу. Южное общество декабристов, которые хотели в этот день (день принятия присяги) захватить власть. Учащиеся по одному называют фамилии декабристов. Учащиеся раскрывают политику Николая I.
Постановка целей и задач урока	Как вы думаете, с расправой над декабристами, особой консервативной политики Николая	Учащиеся отвечают: Нет.

	прекратили общественные движения? О чем мы сегодня будем говорить на уроке? Верно, запишите тему урока «Консерватизм в первой половине XIX в.» Таким образом, какова будет цель и задачи нашего урока?	Об общественных движениях. Учащиеся формулируют цели и задачи.
Первичное усвоение новых знаний	Беседа Общественное движение в эпоху правления Николая 1 было связано с развитием нескольких политических и социальных течений. Как вы думаете какие основные идеи провозглашал консерватизм? Верно! Эти идеи возникли еще в XVI – XVII веках и достигли своего апогея в начале XIX века. Особое звучание консерватизм приобрел тогда, когда на Западе с абсолютизмом было практически покончено. Так, Карамзин писал о том, что самодержавие должно быть незыблемо. Для того, чтобы рассмотреть это течение подробнее, нам необходимо обратиться к учебнику.	Учащиеся слушают учителя. Учащиеся отвечают на вопрос: Консерватизм в нашей стране опирался на теории самодержавности и необходимости жесткого правления. Также подчеркивалась важность крепостного права.
	Работа с документом Задание - прочитать учебник на стр. 75-76, заполнить таблицу Консерватизм	

	Идеология	Лидеры движения	Основные идеи	Методы преобразований	Пути России
	Теория официальной народности и	С. С. Уваров Н. Г. Устрялов, М. П. Погодин, Н. В. Кукольник – драматург и поэт, писатели – Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч, М. Н. Загоскин	православие, самодержавие, народность	укрепление гос. аппарата, полиции	сохранение существующего строения
	Помимо искоренения инакомыслия и свободомыслия правительство Николая I стремилось к утверждению собственной идеологии – Как она называлась? Кто был ее автором? («Теория официальной народности С.С. Уварова» официальная идеология государства в 30-80-е годы XIX века.) – Каковы ее основные принципы, идеи? (православие, самодержавие, народность) – Какие методы преобразований предлагали? (укрепление гос. аппарата, полиции)				

	- Пути развития? (сохранение существующего строя) - К какому направлению общественной мысли можно отнести теорию официальной народности? (консервативному)\ - Назовите крупнейших теоретиков этого направления? (Н. Г. Устрялов, М. П. Погодин, Н. В. Кукольник – драматург и поэт, писатели – Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч, М. Н. Загоскин) Проверка заполнения таблицы по образцу на слайде презентации.		
	<table border="1"> <tr> <td data-bbox="470 593 1018 2029"> Молодцы! Важно отметить, что в ответ на оформление официальной идеологии консерватизма появляются «Философические письма» Петра Яковлевича Чаадаева, который занимал особое место в общественных движениях. Он говорил об «отлученности» России от всемирной истории («одинокое в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его»), о «духовном застое» в России и «национальном самодовольстве», которые препятствуют ее историческому развитию. За свои взгляды Чаадаев был объявлен сумасшедшим, но все же он выразил веру в историческую будущность обновленной России, включенной в западный христианский мир («Апология сумасшедшего»). Взгляды Чаадаева послужили основой для развития новых течений в общественной мысли, о которых мы говорили в прошлый раз. </td><td data-bbox="1018 593 1482 2029"> Учащиеся записывают новую информацию в тетрадь. </td></tr> </table>	Молодцы! Важно отметить, что в ответ на оформление официальной идеологии консерватизма появляются «Философические письма» Петра Яковлевича Чаадаева, который занимал особое место в общественных движениях. Он говорил об «отлученности» России от всемирной истории («одинокое в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его»), о «духовном застое» в России и «национальном самодовольстве», которые препятствуют ее историческому развитию. За свои взгляды Чаадаев был объявлен сумасшедшим, но все же он выразил веру в историческую будущность обновленной России, включенной в западный христианский мир («Апология сумасшедшего»). Взгляды Чаадаева послужили основой для развития новых течений в общественной мысли, о которых мы говорили в прошлый раз.	Учащиеся записывают новую информацию в тетрадь.
Молодцы! Важно отметить, что в ответ на оформление официальной идеологии консерватизма появляются «Философические письма» Петра Яковлевича Чаадаева, который занимал особое место в общественных движениях. Он говорил об «отлученности» России от всемирной истории («одинокое в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его»), о «духовном застое» в России и «национальном самодовольстве», которые препятствуют ее историческому развитию. За свои взгляды Чаадаев был объявлен сумасшедшим, но все же он выразил веру в историческую будущность обновленной России, включенной в западный христианский мир («Апология сумасшедшего»). Взгляды Чаадаева послужили основой для развития новых течений в общественной мысли, о которых мы говорили в прошлый раз.	Учащиеся записывают новую информацию в тетрадь.		

	Спасибо за работу! Все успели все записать? Давайте остановимся на главном идеологе консервативного направления. С. С. Уваров – министр народного просвещения времен Николая I, является автором теории официальной народности. «Имя ученика» сегодня расскажет нам сообщение о биографии этого человека. Задача класса – слушать и формулировать вопросы однокласснику. Как вы считаете, как могла повлиять данная триада на жизнь россиян? Верно! Интересно, что данная триада повлияла и на жизнь самого Николая. Так, например, во время коронации в 1826 г. император положил начало новой традиции. Пройдя в торжественном шествии из Успенского Собора к Архангельскому и Благовещенскому, Николай в полном царском облачении трижды поклонился народу с Красного крыльца. Собравшаяся на площади толпа отвечала громовыми приветствиями. Этот троекратный поклон стал инициальным ритуалом взаимного признания царя и народа – знаком негласных уз преданности и любви. Созданный Николаем ритуал стал	Учащийся выходит к доске и рассказывает биографию С. С. Уварова, отвечает на вопросы. Учащиеся отвечают: изменилось образование, отношение правительства к разным народам империи, трансформировалась культура.
--	--	---

	непременной частью церемониальных посещений царями Москвы и вошел в сценарий всех последующих коронаций». Это блестящий пример «придуманной традиции», к которой уже в конце XIX в. относились с глубоким почтением, видя в ней древнюю и чисто русскую традицию, отражавшую народный характер монархии».	
Первичная проверка понимания нового материала	Ребята, какое течение мы с вами сегодня прошли? Какие фамилии Вы запомнили? Да, молодцы! Проверка знаний с помощью теста. Остались ли какие-то вопросы? Если нет – переходим на следующий этап.	Учащиеся отвечают: Течения – консерватизм. Из консервативного движения выделяют Уварова, Устрялова. Учащиеся отвечают на тест с презентации.
Первичной закрепление нового материала	Хорошо, сейчас ваша задача – поработать с еще одним документом и решить задания к нему по типу ЕГЭ. Учитель раздает задания каждому. Практическая работа Из статьи С. П. Шевырёва. «...Мы сохранили в себе незапятнанными три коренные чувства, в которых семя и залог нашему будущему развитию. Мы сохранили наше древнее чувство религиозное. Крест христианский положил свое знамение на всем первоначальном нашем образовании, на всей русской жизни. Этим крестом благословила нас ещё древняя мать	Учащиеся работают с заданием.

	наша Русь и с ним отпустила нас в опасную дорогу Запада ... Второе чувство, которым крепка Россия и обеспечено её будущее благоденствие, есть чувство её государственного единства, вынесенное нами также из всей нашей истории... У нас только Царь и народ составляют одно неразрывное целое, не терпящее никакой между ними преграды: эта связь утверждена на взаимном чувстве любви и веры и на бесконечной преданности народа царю своему... Третье коренное чувство наше есть сознание нашей народности и уверенность в том, что всякое образование может у нас тогда только пустить прочный корень, когда усвоится нашим народным чувством и скажется народною мыслию и словом... Тремя коренными чувствами крепка наша Русь и верно её будущее...». 21. Назовите историческое понятие, которому посвящена статья С.П. Шевырёва. В царствование какого императора оно было сформулировано? 22. Используя текст источника, укажите три основных положения, которые характеризуют систему взглядов, указанную в статье. Чьи идеи легли в её основу? Кто сыграл особую роль в формулировании основных	21. Ответ: Может быть указано, что 1) понятие – теория «официальной народности»; 2) император – Николай I. 22. Ответ: Может быть указано, что , 1) положения – православие, самодержавие, народность; 2) в основу легли идеи Н.М. Карамзина; 3) автор – С.С. Уваров. 23. Ответ: Может быть указано, что 1) автор статьи разделял консервативные взгляды; 2) С.П. Шевырёв был сторонником теории «официальной народности»; 3)
--	--	---

	принципов этой системы взглядов? 23. Каких идеологических взглядов, судя по тексту, придерживался автор? Свою позицию обоснуйте. Приведите всего не менее двух положений.	обоснование: в тексте статьи он ассоциирует себя с её последователями и употребляет местоимение «мы».
Рефлексия (2 минуты)	Закончите предложения на карточках: • На уроке я работал... • Своей работой на уроке я ... • Урок для меня показался... • За урок я.... • Мое настроение... • Материал урока мне был...	Ребята заполняют карточки.
Домашнее задание (2 минуты)	Параграф 15-16, читать, учить записи в тетради. Задание 3 сделать письменно, в тетради.	Дети записывают задание в дневник.

Особенности общественного движения

Несмотря на усиление политического «аппаратского» режима общественное движение в России продолжало активно развиваться.

Особенности развития общественного движения:

1. Разрыв между революционным и реформаторским движением.
2. Идеологическое оформление консервативного режима
3. Оформились социалистические либеральные движения
4. Участники движений не могли реализовать идеи на практике

Консервативное направление общественной мысли

Идеология	Лидеры движения	Основные идеи	Методы преобразования	Пути России

Направления общественной мысли

Консервативное направление общественной мысли

Идеология	Лидеры движения	Основные идеи	Методы преобразования	Пути России
Теория «официальной народности»	С. С. Уваров, Н. Г. Устряков, М. П. Погодин, Н. В. Кукольник, драматург и поэт, диссидент – Ф. В. Бузгарин, Н. П. Греч, М. Н. Загоскин	православие, самодержавие, народность	укрепление гос. аппарата, сохранение существующего строя	

Консервативное движение

На основе теории «Официальной народности» возникло консервативно-охранительное направление, к которому примыкали: Н. Карамзин, Ф. Бузгарин, Н. Кукольник, Н. Греч, М. Загоскин и др.

Ф. В. Бузгарин

Н. М. Карамзин

Проверь себя

Консерватизм

Первой половины XIX в

Консервативное движение

С. С. Уваров, М. П. Погодин – теоретики консервативного движения.

С. С. Уваров – «Теория официальной народности» – официальная идеология государства в 30-80-е годы XIX века.

М. П. Погодин

Содержание:

- Православие – традиционная ориентация на благо гражданского общества
- Самодержавие – единство царя и народа
- Народность – единство народа вокруг царя.

1. Выберите правильный ответ:

- а) российский либерализм 30-40-х гг. был представлен:
- 1) консервативным течением
 - 2) западничеством
 - 3) социалистическими учениями
 - 4) «русским» социализмом
- б) состав участников кружков конца 20-х – начала 30-х гг.:
- 1) военная молодежь
 - 2) представители высших слоев российского общества
 - 3) разные слои общества
 - 4) обедленные слои общества

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Перевод части книги¹²: Neumann Iver B. Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations. London/New York: Routledge, 1996

Как отмечалось во второй главе, российское государство восприняло восстание декабристов как русские последствия наполеоновских войн. Декабристы распространили революционную мысль о новой, «ложной» Европе. Следовательно, государство рассматривало их как «врага внутри». Одним из следствий такого взгляда является то, что споры о Европе внутри Российской Империи были преобладающими, так как восстание прошло совсем недавно, и все еще формировались идеи о смирении российской действительностью европейские революции.

¹Сделан автором в ходе работы над исследованием.

²Представлена третья глава этой работы.

Введение доктрины официальной народности не помогло решить эту дилемму. Расстояние между положением государства и другими позициями в дебатах не уменьшалось. Таким образом, самым значительным событием 1830-х годов стало не изменение позиций, а скорее переопределение общественного политического пространства. Дискуссия о Европе пробила себе место на публичные дебаты на центральной сцене и стала решающей политической проблемой дня. Все споры начались с одного документа: с публикации письма Петра Чаадаева. До сих пор многие историки считают это событие настолько центральным, что оно означает конец русских 1830-х годов и начало того, что часто называют «необычным» или «замечательным» десятилетием 1840-х годов (Берлин, 1978: 114–209). В течение этого десятилетия ключевыми событиями стала кристаллизация и поляризация двух позиций в Европе. Как будет разобрано далее, романтические националисты собрались под знаменем «славянофилов», а те, кто смотрел в Европу как на политическую и экономическую модели, стали называться «западники». В то время как в 1830-х годах русские дебаты свободно распространялись между основными дискуссионными группами, к концу 1840-х годов славянофилы создали свой собственный исключительный круг.

Александр Герцен, который вместе со Станкевич был ведущим российским интеллектуалом 1830-х годов, однажды лихо назвал публикацию письма Чаадаева «выстрелом в темной ночи», в котором зародилось политическое мышление России. Разумеется, это было преувеличением; но всплеск действительно был впечатляющим. Сам царь ответил, что Чаадаев был арестован, объявлен психически больным и помещен под домашний арест. Леонид Шапиро утверждает, что причиной протеста было то, что Чаадаев первым предположил, что Россия никогда не станет похожей на остальную Европу и «что это была поразительная новинка того времени – если бы кто-нибудь задумывался об этом, то никто когда-либо не произносил это вслух» (Schariro, 1967a: 40). Повторяя оценку Шапиро, Анджей Валицкий утверждает, что «после знаменитого диагноза [Чаадаева] будущее России как

европейской нации перестало быть самоочевидной» (Walicki, 1975: 86). Возможно, Чаадаев первым сделал это заявление. Однако, как отмечалось выше, подобные взгляды уже нашли свой путь в печати.

В 1830 году, после того, как письмо Чаадаева было изначально написано, Надеждин опубликовал фрагмент, который указывал в том же направлении. Поскольку Надеждин был редактором журнала, в котором, в конце концов, появилось письмо Чаадаева, вполне возможно, что он написал под влиянием письма Чаадаева. В российских дебатах о Европе, в целом, заинтересованы многие исследователи, главный вопрос - это не новизна письма Чаадаева, а скорее то, почему его влияние не распространялось прежде, чем был издан номер с его работой.

В 1836 письмо уже распространилось, Чаадаев получил особое влияние. Но это было только тогда, когда было опубликовано письмо, и поэтому оспаривало общественно-политическое пространство, которое государство считало исключительно своим, – что дело дошло до кульминации. Контекст, а не контент, имеет решающее значение. До этого государство предпочло не принимать во внимание то письмо, и что было ошибкой. Как только письмо вошло в публичный дискурс, и государство показало, что не имеет средств для его сдерживания, дискурсивное поле изменилось бесповоротно.

Сам Чаадаев был отброшен; он впоследствии изменил свои взгляды, и возможно из-за этого, множество исследователей не считает его первым в этом вопросе (фон Шеттинг, 1948: 144; Goerdts, 1984: 262-71). В более поздней работе под названием «Апология сумасшедшего» он повторил, что у России не было прошлого, тогда как в Европе, безусловно, оно было и достаточно яркое. Однако в то время как в своем первом философском письме он оценил привязанность современной Европы в прошлом как позитивную вещь, теперь он удерживал Европу, потеряв связь со своим прошлым и, следовательно, потерял из виду большую схему истории.

С другой стороны, Россия все еще имела возможность заимствовать эти идеи и, следовательно, могла бы найти свое «место среди цивилизованных народов». Таким образом, Россия не только приблизится к Европе, но и на каком-то следующем этапе могла даже опередить ее. Это утверждение Чаадаева не было новым; Одоевский уже делал это несколько десятилетий назад. Однако он имел некоторый интерес, поскольку он показал, как одна ветвь романтического националистического аргумента может просто быть оторвана и имплантирована на туловище другой позиции. Короче говоря, перестановка идей, присутствующих в спорах, может также сильно влиять, как и подделка новых.

Перестройка идей была происходила в течение 1840-х годов. В «толстых журналах» все чаще использовались два термина «славянофилы» и «западники». Первоначально они носили подтексты насмешек, которые использовались только для обозначения оппозиции. Теперь они часто использовались как условия самоидентификации. По идее, «славянофильство» было изначально унижительным термином, используемым для обозначения Шишкова и его «русской тенденции». Эта группа посвятила себя поиском славянских корней русского языка.

«Славянофилы» – это новое поколение романтических националистов - явно были аутсайдерами в 1830-х годах. Дискуссия о Европе была заложена в общих политических дискуссиях, связанных с влиянием гегельянцев, и поэтому была в значительной степени универсалистской. В 1837 году, например, Станкевич выразил широко распространенное мнение, когда он задумался, почему люди «занимаются народом» вместо того, чтобы стремиться к общечеловеческому и находить свою собственную форму в этом самом процессе: изобретать или придумывать что-то новое для своего народа из своих старых обычаев» (Шапиро, 1967а: 60).

Мысль Станкевича была направлена на официальную народность, одна опора которой была принцип народности, и в Романтичные националисты, точное беспокойство которых должно было "изобрести или продумать

характер для нации". Каждый отмечает подобие между этим современным российским критическим анализом и настоящими дебатами о том, как нации появляются, развиваются и т.д. (Андерсон, 1983). Эта работа была ускорена в 1841, когда начал издаваться первый журнал славянофилов «Московитянин». В ответ на высказывание Чаадаева, что Россия не имела никакого прошлого, они заявили, что это не была Россия, а скорее промышленное развитие Европы, которая была без истории. «Что Чаадаев пишет о России, я пишу о Европе, и наоборот», – написал Одоевский другу в 1836 (цитируемый в Meuman, 1975:275).

Таким образом, в главной статье нового журнала Степан Шевырев изложил свое восприятие европейской культуры. «Да, в наших откровенных, дружеских и близких отношениях с Западом», писал он, мы не заметили, что это похоже на человека, который несет в себе страшную инфекционную болезнь. Мы целуем его, обнимаем, разделяем с ним мысли, истощаем чашу чувств ... и не воспринимаем скрытый яд в беззаботном дружеском акте и позволяем себе все прелести банкета, которые маскируют запах распада смертельных ядов, которые он уже испускает" (цитируется в Walicki, 1975: 51) Российские высшие сословия, заключил он, должны отвернуться от всего европейского и обратиться к русскому народу за руководством. Шевырев скорее усилил, чем добавил новое к русскому мессианству.

Идея истории как эстафеты с Россией, в качестве ведущей, присутствовала уже в учении Москвы как о Третьем Риме. Когда Одоевский реанимировал эту идею, он воспроизвел религиозные образы и заменил весь народ царем в качестве носителя факела истории. Таким образом, он объединил идеи Москвы как третьего Рима и «Святой России». Короче говоря, Шевырев добавил, что настаивает на том, что Европа не только устала и исторически проходит, но уже «гнилая». Принимая во внимание, что Одоевский и Шевырев уже реанимировали идеи относительно российской истории как конфликт между людьми или Землей (*zemlya*; также буквально почва), с одной стороны, и государство на другой, именно Константин

Аксаков должен был уточнить это. Для него это была работа Петра Великого, которая отняла Россию от прямого и узкого пути, задуманного судьбой. Аксаков утверждал, что Земля была аполитичной, и потому, что ее просто не интересовали международные конфликты, у нее был принцип невмешательства во внешние дела. Москва была столицей земли и живым центром русского обновления, которую видел Константин Аксаков. Против Москвы стоял город Петра, Санкт-Петербург. Санкт-Петербург был воплощенным государством, современным Вавилоном. Аксаков, который оказался москвичом, не сомневался, что Москва выиграет этот бой между Землей и государством и отбросит то, что он со ссылкой на татарские подвиги в России назвал Западным игом. Таким образом, Аксаков последовал за более ранними романтическими националистами в том, что он заклеил русских последователей Петра как мальчиков-победителей Европы. «Общество» (т. Е. «Западники») - это представление врага внутри.

Против них вырисовывается герой – «Земля», «народ» (то есть крестьяне и все остальные русские, которые выдержали вестернизацию). Заметное и эффективное использование римскими националистами древнерусских летописей, а также древних различий между государством и Землей. Способ, которым этот материал использовался для нападения на то, что воспринимался как аберрация Петра с истинного пути развития России, не мог не обвинить наследника Петра на троне. Славянофилы не были против царизма; Напротив, их критика была направлена против европеизации этого древнерусского института. Царь должен быть женат на Земле, он должен быть патриархом, а не самодержавным режимом. Чтобы выразить это на веберовских терминах, он должен председательствовать на патриархальном, а не патримониальном государстве (Kommisrud, 1991). Отправляя свою позицию в прямом противостоянии современной государственной практике России, славянофилы также оспаривали доктрину официальной народности.

Государство отреагировало, неоднократно подвергая цензуре публикации славянофильских писаний и закрывая журналы. Доктрина

официальной народности представляла Европу старого режима как истинную Европу и осуждала современные европейские идеи, которые отклонялись от "ложной" Европы. С другой стороны, романтические националисты видели современную Европу и Европу старого режима как два воплощения принципа правления, которые были одинаково чужды России Земли. Более того, они видели современное российское государство – в его аспекте административного аппарата – как расширение этого чуждого принципа в органический организм русского народа. Действительно, европейское влияние на них было воплощением Другого – внешнего и внутреннего Другого, из которого нужно спасти Россию.

Другие романтические националисты добавили к этому. В российской истории Алексея Хомякова подчеркивалось, что национальные русские черты, которые перед церковным собранием Флоренции мирно сосуществовали с европейскими влияниями, постепенно вступили в конфликт с европейским мейнстримом: вражда действительно только вспыхнула как реакция на безумную и глубокую русофобию Швеции, Ганзе и балтийской знати, а тем более из-за враждебных интриг польских магнатов и католических священников. Мало-помалу российский национализм приобрел исключительные и ксенофобские черты. Общий человеческий дух (дух человеческий) был отодвинут. Это не соответствовало требованиям. Поэтому он должен был спровоцировать реакцию, которая перешла в другую крайность (Хомяков, 1900: 154). Эта чрезмерная реакция – это европеизм, который Хомяков держал в начале семнадцатого века, а затем, после перерыва, одержал полную победу при Петре. Несмотря на то, что Россия продолжала праздновать Европизацию, Хомяков продолжал доказывать всем, что в Европе преобладают бесполезные культурные тенденции.

Этими тенденциями были рационализм, материализм и эгоизм, а их современной причиной был католицизм. Однако истинная причина была намного старше и была найдена в том, что Хомяков называет «кушитизмом», датированным доисторическими временами. Калечащее духовное

мировоззрение, которое характеризовало Европу, было тембром, полностью уступающим православию России, единственному истинному христианскому миру. Если Хомяков критично относится к католицизму, он в равной степени страдает от этой другой европейской коррупции в христианском мире: протестантизма. Для Хомякова протестантский принцип свободы без единства привел к повсеместности буржуазного индивидуализма, а католический принцип единства без свободы превратился в атеистический социалистический интернационализм. Таким образом, Хомяков обратил внимание на связи между политической организацией средневекового западного христианства и современными европейскими общеевропейскими идеалами святого Симона или нео-геелфиста. Хомяков показал христианские православные рамки Европы, и при этом он обнаружил пустое место в официальной народности. В то время как православие было одним из трех столпов этой внутренней доктрины, предпочтительная Европа была, как обсуждалось выше, Европой братьев христианских монархов. Возможно, православие России можно считать старшим братом. Однако метафора по-прежнему была связана с близкими кровными отношениями.

Эта разница между славянофильскими и официальными взглядами добавилась к основной разнице в характере современного российского государства. Другим самопровозглашенным славянофилом был Иван Киреевский. Перевернувшись спиной к более раннему западничеству, которое, как мы видели, он исповедует выше, его главной заботой стало сохранение русского национального характера. Он жаловался, что англичане, французы, итальянцы и немцы никогда не переставали быть европейцами, всегда сохраняя свои специфические национальные особенности. Русским, с другой стороны, «почти пришлось ликвидировать свою национальную личность, чтобы пообщаться с образованным Западом» (Киреевский, 1911b: 182). Киреевский теперь видел Европу в христианских рамках. Однако, в отличие от Хомякова, он сохранил европейский средневековый христианский мир как идеальное государство, золотой век. Где он ранее сожалел об изоляции

России от западной классицистической традиции рационализма и индивидуализма, теперь он пришел к тому, чтобы изолировать Россию как скрытое благословение. Будучи отрезанным от этих тенденций, Россия не двигалась так далеко от идеала христианского мира, как Европа. Киреевский пришел к тому, чтобы обобщить культурное наследие Европы как индивидуалистическую римскую цивилизацию, католическую церковь и государство, основанные на насилии. Против этого он установил соборность (соборность, власть коллективного ума), веру и миролюбивую славянскую традицию. Эти российские ценности, как он утверждал, можно было увидеть в том, как жители Киевской Руси обратились к варягам, чтобы они правили ими, так что им самим не приходилось загрязнять свои руки политикой и насилием.

Наиболее интересным из этих трех признаков европейского наследия является идея насилия. Киреевский придерживается мнения о европейских государствах как несравнимо более жестоких странах, чем Россия. По сравнению с европейскими государствами, российское государство, само по себе не без напряжения насилия, является мирным. Поэтому, утверждает он, европейцы могут учиться у русских, как жить мирно. Таким образом, Киреевский – новый и интересный поворот к русскому мессианизму, где основной смысл аргументации заключается в сфере духовности. Основной славянофильский концерн был с культурной нацией, понимаемой как Земля. Отношение Земли к государству всегда было несколько зауженным, как для Киреевского, так и для других романтических националистов. То, что они говорят о российско-европейских отношениях, в основном ограничивается «межнациональными» отношениями в буквальном смысле этого выражения, а не «межгосударственными» отношениями. Межгосударственные отношения всегда были чем-то вроде пустого места для славянофилов.

Редкие высказывания о межгосударственных отношениях не подпадают под их предпочтительные дебаты, но зацикливаются на том, что некоторые из них, иногда, а затем только нерешительно признают

необходимость международной системы. Когда этот романтический националистический аргумент разворачивался, он переходил с поля дебатов в центр. Однако то, что позволило ему разворачиваться и становиться все более доминирующим, было его взаимодействие с аргументами западничества. Задача, поставленная западниками, состояла в том, чтобы показать, как Россия уже развивается по европейским направлениям и как она должна стремиться ускорить это развитие, несмотря на несколько иные условия, которые там преобладали. Одним из виднейших западников был Виссарион Белинский. Как и многие мыслители девятнадцатого века, в России и в других местах Белинский видел мир и Европу в свете своей историко-философской схемы.

Для него эволюция отдельных людей, а также народов проходит через три этапа. Первый этап – это естественная непосредственность. Второй – один из абстрактных универсализмов разума. Третья фаза характеризуется рациональной реальностью, где две первые тенденции превосходят и примиряются в диалектическом процессе. Группа людей на первом этапе – это люди (народ); только когда он переходит на второй этап, он становится нацией (нация). Современная актуальность этой теории для России казалась ясной: реальный национализм должен был выйти за народность, как это было сформулировано по-разному в доктрине официальной национальности и романтических националистов (см., Walicki, 1975: 397–403).

Из этого следует, что только с Петром и приходом универсалистских европейских идей люди поднимались до уровня общества, позволяя России стать нацией. Белинский внимательно следил за славянофилами в использовании терминов «народ» и «общество». Однако в то время как славянофилы держали людей в качестве хранилища немедленного, незапятнанного и действительно святого, Белинский видел людей как недифференцированную, неиндивидуальную, возможно, даже племенную массу. Для славянофилов общество было жалкой массой распыленных, отчужденных и декадентских людей, которые потеряли связь со своими корнями в почве. Для Белинского общество было результатом неизбежного

человеческого прогресса, отличии. По словам Белинского, с помощью вторжения Наполеона в 1812 году, Россия смогла объединить универсалистские и национальные идеи, тем самым вступив в третью фазу всеохватывающей схемы разума. Как литературный критик Белинский указал на Пушкина, чтобы доказать свою точку зрения. Пушкин, по его словам, был великолепен, потому что он воплотил свою нацию. Однако, хотя Россия уже сделала переход на третий и последний этап истории, она все еще находилась на раннем этапе своего развития. Она все еще не могла претендовать на центральное место в общей интеллектуальной традиции человечества. Тем не менее, как и все народы, у России все еще была своя судьба, и она была необходимой частью истории. Цитируя, национальность (народность) – это идея человечества, какова личность к идее человека. Другими словами, Народы (народности) это личности человечества. Без национальностей (национальностей) человечество было бы мертвой логической абстракцией, словом без содержания, звуком без смысла. В этом отношении я предпочел бы перейти к славянофилам, чем остаться с гуманистическими космополитами, потому что первые – это люди, даже если они ошибаются, в то время как последние делают даже правду звуком, как воплощение какой-то абстрактной логики.

Концепция нации Белинского совершенно ясна. В современности они являются не только «личностями человечества», но и сущностями, которые придают индивидуальность индивидуальности. Неполное развитие для нации влечет за собой неполное развитие личности. Мы люди без страны», – писал он в минуту сомнения в 1841 году, «даже хуже, чем без страны, мы люди, чья страна – призрак; вы можете удивляться, что мы сами являемся призраками? (Walicki, 1975:338). По мысли Белинского, две, казалось бы, противоречивые темы Европы и Азии и Европы как факелоносца всего человечества собрались вместе. Они решены в его теории исторических этапов человечества. С одной стороны, он восклицает, что «Азия - это земля так называемой естественной непосредственности; Европа - земля сознания. Азия - земля созерцания;

Европа, воли и разума». С другой стороны, он аксиомически заявляет, что «все человечество - европейское, а все европейское – человеческое» (Riasanovsky, 1985:127–8, 217).

То, как Белинский подчеркивает историческую миссию, которую дает провидение народам, напоминает мысль его итальянского современного Мадзини. Как и Мадзини, главной темой Белинского были социальные отношения, а его предложенная панацея была национализмом. Хотя Белинский не последовал за Мадзини в пропаганде конфедерации европейских национальных государств, он подчеркнул, что нация становится главной социальной и, следовательно, главной политической силой в Европе своего времени. Как и Мадзини, он также подчеркнул, что каждая нация имеет свою собственную миссию. Российские дебаты о Европе отличались от тех, которые проводились в других местах одновременно, но вряд ли уникальны во всех отношениях. Германия и Россия были не единственными странами, в которых романтические националисты восклицали уникальность своих народов. И Германия, Италия и Россия были не единственными местами, где предпринимались попытки примирить национальные и всеобщие настроения. Кавелину, что касается Белинского, индивидуализация в России началась только с Петра Великого. Его правление означало переход русской нации от «физической национальности» к «духовной национальности». Поэтому Кавелин считал, что допетровская русская история была чуть более чем предысторией. Последствия этого взгляда для его оценки Европы кажутся совершенно ясными: европейское развитие устанавливает историческую норму, к которой должны стремиться другие страны.

Таким образом, с их верой в телеологический исторический параллелизм или «прогресс» Белинский и Кавелин раскрывают европейское модернистское лицо, которое доминирует над российским западничеством. Хотя телеологический взгляд на историю был разделен всеми западниками, в дебатах не полностью доминировала идея о том, что Россия должна пройти через все этапы развития Европы. Этот вопрос о том, сколько и что Россия

должна копировать из Европы, был проблемой в разговоре между Боткиным и Герценом в 1847-8. Боткин, торговец чаем, молился, чтобы «Бог дал России буржуазию!», только для того, чтобы встретить контр-молитву от Герцена: «Бог спас Россию от буржуазии!» Белинский в письме к Боткину заявил, что «До сих пор все, что я видел, это то, что страны без среднего класса обречены на вечную ничтожность» (Gerschenkron, 1962:164–6). Потребность в среднем классе была чем-то вроде того, о чем говорили западники, торговцы чаем и интеллектуалы. Когда Герцен начал отклоняться от этой веры, он больше не считался западником некоторыми из своих бывших соратников.

Подводя итог этой главе, по мере приближения 1840-х годов, российские дебаты о Европе все еще можно представить, как состоящие из трех основных позиций. Три тега используются самими участниками: официальная народность, славянофильство и западничество. Официальная народность и ее взгляд на Европу не претерпела больших изменений. Славянофильство радикализировало националистическую позицию. Раньше моральная оценка Европы представляла собой изнуренного предшественника, от которого было разумно держаться на расстоянии. Теперь Европа считалась декадентской или даже гнилой. Тем не менее, как признал Киреевский, славянофильство, подобно «Русской Тенденции» Шишкова и любителям Мудрости Одоевского, адаптировало немецкую школу мысли - романтический национализм - к ее собственным потребностям. Как и в Германии, романтические националисты начали изобретать национализм в защиту древней общины (Gemeinschaft) против натиска нового общества (Gesellschaft). Анджей Валицкий (1988: 107) предлагает социологическое объяснение этому, указывая, что и Германия, и Россия были экономически отсталыми по отношению к промышленно развитым странам. Это означало, что отрицательные стороны капитализма были ясны для всех наблюдателей и могли быть использованы в качестве аргументов против изменений со стороны консерваторов в обеих странах. Он также (1988: 66) прослеживает географические корни панславизма назад к Пале, т.д. Пограничные районы

между Россией, Украиной и Польшей. Русские романтические националисты, сознательно возвращающиеся к прецедентам в средневековых русских летописях, обозначили их идеальный *Gemeinschaft* с такими терминами, как «Русская земля» и «Святая Русь». Подобно раннему Гердеру, их идеал был Культурнацией, которая избегала необходимости контролирующего государства, но которая сливалась бы с государством в правиле соборности (соборности). Действительно, из-за своих сильных коннотаций государство часто рассматривалось этими авторами как необходимое зло. Движение, как и немецкий национализм, начиналось как поиск уникальных корней, особенно этимологических корней. Это центральный принцип немецкого романтического национализма, что язык представляет собой нацию. Выражение «славянофилы» (славянофилы) на самом деле возникло как уничижительный термин для тех любительских лингвистов, которые пытались избавить русский язык от иностранных заимствований и стремились возродить то, что они считали чисто русской речью. Некоторые славянофилы также копировали немецких националистов, собирая местные варианты сказок, песен и т. Д.

Таким образом, парадокс таков: ядро славянофильства было протестом против России, следуя моделям, возникшим в Европе двойной революции. Тем не менее, само славянофильство было фактически импортированной культурной программой, адаптацией идей, генезис которых неразрывно связан с той же двойной революцией, которую славянофилы так презирали. В том, что касается западничества, основная озабоченность заключалась в том, чтобы примирить универсализм и национализм. Политические и экономические модели Европы считались превосходными, и сама история требовала их подражания. Вопрос был в том, как. До восстания декабристов идея заключалась в том, чтобы составить конституцию для России. После восстания большинство западников думали, что неизбежное и неумолимое разворачивание истории изменит политику. Сомнения, однако, начали возникать. Некоторые высказывания Белинского и Герцена указывали на

новую позицию, где дело уже не в том, что России пришлось копировать все аспекты европейского развития. Скорее вопрос – что должна копировать Россия?

Перевод книги¹: Riasanovsky V. *Nicolas I and Official Nationality in Russia, 1825–1855.* – Berkeley and Los Angeles, 1959.

Я – ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ

Здесь [в армии] есть приказ, есть строгое безоговорочное следование правилам, здесь не требуется знать все ответы, никаких противоречий, все вещи текут логически одна от другой; никто не командует до тех пор, пока сам не научится повиноваться; все подчинено одной определенной цели, у всего есть цель. Это то, почему я себя чувствую так хорошо среди этих людей, и почему я всегда буду защищать честь солдата Николай I

III ИДЕИ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ

Наше общее обязательство состоит в том, что просвещение людей должно проводиться, согласно Высшему намерению нашего Монарха в объединенном духе православия, самодержавии, и народности. Уваров 1

Правительственная идеология в господстве Николая I, который прибыл, чтобы быть известным как Официальная Народность, обладала определенным происхождением. Она была провозглашена второго апреля 1833, новым министром просвещения, С. Уваровым, первым лицом в образовании Российской империи.

Уваров написал: Наше общее обязательство состоит в том, что просвещение людей должно проводиться, согласно Высшему намерению

¹ Сделан автором в ходе работы над исследованием.

нашего Монарха, в объединенном духе православия, самодержавии, и народности, Я убежден, что каждый профессор и преподаватель, будучи проникнутым одним и тем же чувством преданности престолу и отечеству, будет использовать все свои знания, чтобы стать достойным инструментом правительства и заработать его полное доверие.

Министр продолжил представлять на обсуждение и содействовать трем кардинальным принципам в течение шестнадцати лет, в течение которых он оставался отвечать за образование в России. В сообщениях императору, так же как в указах подчиненным, он представлял эти принципы неизменно как истинное сокровище российских людей и Российского государства. Например, Уваров обсуждал этот вопрос следующим образом в исследовании своего первого десятилетия пребывания в должности: Посреди быстрого краха в Европе религиозных и гражданских учреждений, во время общего распространения разрушительных идей, при виде этих печальных явлений, окружающих нас со всех сторон, было необходимо поставить нашу родину на устойчивые ноги, на которые базируются благосостояние, сила, и жизнь людей; было необходимо найти принципы, которые сформируют отличительный характер России, и который принадлежат только России; было необходимо собрать в одно целое священные остатки российской национальности и закреплять за ними якорь нашего спасения. К счастью, Россия сохранила теплую веру в священные принципы, без которых она не может процветать. Без любви к вере своих предков народ, а также отдельные лица погибнут.

Самодержавие является главным условием политического существования России. Русский гигант стоит на нем как на краеугольном камне величия. Убеждение, что Россия живет и охраняется духом сильного, гуманного и просвещенного самодержавия, должно пронизывать народное образование и развиваться с ним.

Много поэты, авторы, профессора, и журналисты оказались нетерпеливыми повторить боевой клич Уварова, иногда с почтительным

поклоном в его направлении. Шевырев, например, последовал за министром в 1841 году в своем анализе России и Запада для первого выпуска Москвитянина:

Даже если мы получили неизбежные пятна от наших контактов с Западом, мы, с другой стороны, сохранили три фундаментальных чувства, которые сдерживают семя и гарантию нашего будущего развития. Мы сохранили наше древнее религиозное чувство. Христианский крест оставил свой знак на всем нашем первоначальном образовании, на всей русской жизни.... Второе чувство, которое делает Россию сильной, и которая обеспечивает будущее благополучие является чувство нашего государственного единства, вновь полученного нам от всей нашей истории. Нет никакой страны в Европе, которая может хвастаться о таком гармоничном политическом существовании как наша родина. Почти везде на западе раскол принципов был признан как закон жизни, и все существование народов происходило в тяжелой борьбе.... Православие, первая статья веры в доктрине официальной народности, в ней было несколько основных уровней значимости и многочисленные аннотации. Только Христос, только православие, представляли для русского монарха свет, руководство и спасение в этой печали и борьбе с действительностью. Имперские суждения были разделены многими меньшими сторонниками государственной идеологии. Например, поэтом Ф. Глинкой:

Дай мне Вашу руку, Отец, с небес,
Она дает мне твердость на моей скользкой опоре,
Убери мое страдание с дыхания Вашей любви
И покажи мне свет в темной степи!

Или, в словах другого сторонника Официальной Народности и намного большего поэта, Жуковского: Человеческая душа нуждается только в Боге. Даже Булгарин, имевший едва религиозное мировоззрение, согласился и подтвердил: Я не имею глубоких знаний в сфере философии, и я признаю открыто, что, рассмотрев все философские школы и мнения, я нахожу, что истинная мудрость есть только в Евангелии. Самая грандиозная работа,

исходившая от сторонников официальной народности, была работа Погодина Простая речь о мудреных вещах. Хотя она была издана в старости автора, она представляла его искренние размышления в течение всей жизни, состоявшая из отдельных мыслей и коротких комментариев, кратко записанных в течение ряда лет и вышедших в печать без изменения. Другие произведения Погодина имеют дело с религией только мимоходом, но они поддерживают полностью взгляды, выраженные Погодиным в той книге. Простая речь о мудреных вещах сдерживала три части: нравственно–духовные афоризмы, философам для объяснения, и к злобе дня.

Погодин начал свое исследование типичным образом: Жизнь, смерть, начало, конца, добро, зло, счастье, страдание, душа, бессмертие, другой мир, вера, вечность, вселенная, человек, Христос, Бог! Какие предметы я осмелюсь обсуждать, если другие предметы ближе к человеку? Какие предметы должны занять нас больше всего? Какие проблемы более глубоко связаны с нашим настоящим существованием и нашей будущей судьбой, независимо от того, что это может быть небытие по мнению относительно фешенебельных философов, или вечной жизни согласно христианскому обучению? Мир был застелен тайнами:

Бесконечность, что это? Из каких частей она состоит?

Как может там быть что-нибудь без пределов?

Но нельзя вообразить пределы также; что тогда было бы вне них?

Снова тайна и непостижимость... Бесконечность непостижима, но действительно ли есть что–то более постижимое?

Каково начало? Каков конец? Где – начало, где – конец? И что там было перед началом? И что там будет после конца? Когда было начало, когда будет конец?

Или: все не имеет ни начала, ни конца? Это – более озадачивающий пазл... Отсутствие происхождения невообразимо. Вечность даже больше так.

Ограниченное место невообразимо. Безграничное место невообразимо.

Бесконечная делимость вещества невообразима. Все это невообразимо нам, независимо от того какую систему мы принимаем, независимо от того от какой стороны мы приближаемся к этому, независимо от того как мы поворачиваем вопросы. Все они являются тайнами... Погодин подчеркнул неоднократно эти и другие такие традиционные проблемы и антиномию философии и богословия, но он не ограничивал ими обсуждение таинственного в человеческой жизни и вселенной. Вся вторая часть разговора была посвящена предупреждениям, предзнаменованиям, пророчествам, предвидению, внутреннему голосу, пророческим мечтам, посещения мертвых, и подобными сверхъестественным случаям. Рассказы этого вида были собраны Погодиным из многих источников, часто от его друзей и знакомых. Они сформировали неотъемлемую часть религиозной аргументации Погодина, аргументации, которая подчеркнула тайну и непостижимость. Одна иллюстрация будет достаточна для этой секции книги. История этого вопроса имеет дело с Карамзиным, автором, историком, и большим героем Погодина: Первая жена Карамзина умерла в 1802, как рассказывает М. А. Дмитриев в своих воспоминаниях, Карамзин любил ее неистово. Видя безнадежное положение больной женщины, он мчался бы к её кровати, но был оторван от нее, работая для периодического издания, которое было его доходом и было необходимо для семьи. Опустошенный он бросился на диван и заснул. Внезапно он видит во сне, что он стоит около открытой могилы, в то время как с другой стороны стоит Екатерина Андреевна (на кой он женился позже) и держит его за руку. Этот сон тем более странен, потому что в течение тех минуты, озабоченный умирающей женой, он не мог даже думать о другом браке и не мог вообразить, что он будет жениться на Екатерине Андреевне. Сам он рассказал этот сон моему дяде. Он женился на Екатерине Андреевне в 1804. Неизбежный вывод по итогам всех этих тайн: Вселенную человечество неспособно понять, ясно, что наш разум не может достичь этих понятий? Это ясно, что наш разум, или скорее наш мозг, который имеет определенные пределы, за которые вне времени и пространства он не может работать, не

может зарегистрировать впечатления, то есть, не может понять, не может себе представить; Он не может сформировать каких-либо понятия о существовании без происхождения, или о бесконечности, или о безграничности или о делимости...? Мы знаем только свои собственные пределы! Да, человеческий ум ограничен, и это именно то, что слепой и гордый, особенно в наше время, отказывается принять.

Погодин стал убежден этим, и в этом отношении его пессимизм рос с годами, которые прогрессировал и означал просто технологические усовершенствования в отдельные более эффективные средства для братоубийственной борьбы и резни.

Человеческий эгоизм оставался необузданным. Политическая система мира оставалась несправедлива и хаотична, как всегда. В социальном плане ситуация была еще более несправедливой и имеющая более зловещий характер. Многочисленные современные философии и доктрины не дали никаких результатов.

Третья часть разговора содержит насильственную полемику на злобу дня Русских атеистов, материалистов и нигилистов, которые отказались поделить мнениями с Погодиным, но по-прежнему полагались на человеческий разум и человеческие силы. Профессор Московского университета вычеркнул своих оппонентов несколькими способами. Одних он обвинил их в невежестве, утверждая, что по существу все их обвинительные приговоры были основаны лишь на обрывках лозунгов, заимствованных из-за рубежа. Погодин провел расширенный анализ дарвинизма, используя против него много аргументов. Материализм, детерминизм и атеизм обязаны привести, в конечном счете, к полному хаосу и разрушениям. Тем не менее, в то время как дарвинизм и наука в целом не представила ответы на наиболее важные вопросы, где-то эти ответы должны были быть найдены: у нас здесь много вопросов без ответов. Разве это не ясно, что ответы должны существовать где-то: вопросы могут возникнуть и, если они останутся без ответа: это будет чушь. Где тогда это? Очевидно, что на небесах. Бог, таким

образом, был великим ответом на человеческие поиски. Но Бог не имеет имени. Философы признают некоторые творческие силы и не могут отрицать их; они почитают их. Этой силой является Бог. Что является самым высоким, святым действием этой силы? Христианство. Анализ Погодина привел к простому и определенному выводу: На земле ничего не было сказано, ничего не сделано выше, чище и святее, чем то, что было сказано и сделано Спасителем человечества, живым Иисусом, согласно цели христианства, мы должны подчиняться книге Заповеди, верить ей, чтобы улучшиться морально и психически – это задача, которая должна считаться единственной целью человека на земле. Простая речь о мудреных вещах выразила интересы и убеждения Погодина. Но она представлена в типичной манере ряда религиозных убеждений и отношений, общих для многих сторонников официальной народности.

Таким образом, Бог стал окончательным ответом на поиски человека, началом и концом человеческой мудрости, альфой и Омегой. В редких моментах идеологи официальной народности и сам император часто не нуждались в трех принципах: достаточно только первый. Влияние христианства не было ограничено. Как Уваров утверждал в эссе о философии литературы: Христианство, высший, фундаментальный, и установленный факт, он в одиночку провел глубокую разграничительную линию в анналах человеческого разума между временем, которое ему предшествовало и временем, которое последовало за ним. Есть, поэтому, строго говоря, только две литературы, так как есть только две идеи, как есть только две цивилизации: древняя цивилизация до рождения Христа, и цивилизация после. В новой человеческой эре, будучи свободным, можно избежать моральных и религиозных истин, но больше нельзя игнорировать их....

IV

Народность была в это время и с тех пор осталась самым неясным, озадачивающим, и спорным членом официальной троицы. В то время как православие и самодержавие были относительно понятными,

обращающимися к установленной вере и отдельной форме правительства, народность не обладала никаким единственным, общепринятым значением. Это было чаще всего переведено как просто придаток к самодержавию, подтверждение, что российские люди были послушными предметами царя и их владельцев. Согласно этому представлению, это служило главным образом как устройство пропаганды и не обладало никаким собственным значением. Действительно, это было приравнено некоторыми просто защитой крепостничества.

Эта оценка народности является в значительной степени действительной, но неполной. Поскольку в дополнение к реакционным, династическим, и оборонительным коннотациям, доктрина также имела романтическую систему взглядов. И на романтическом самолете Россия и российские люди приобретали высшее метафизическую и даже мистическую важность, веря в большую миссию России и таким доктринам как Панславизм и такие методы как Русификация. Теории, пытающиеся поддерживать старинный российский режим встретили немецкую идеалистическую философию с ее вызывающими головокружение новыми перспективами. Два взгляда на народность, которые мы можем назвать династическим и националистическим, были в существенном противоречии друг к другу. Этот контраст и антагонизм находят выражение в борьбе между различными группами правительственных идеологов. Это было отражено в изменении положения определенных сторонников государственных взглядов, в то время как во все других случаях противоречие оставалось скрытым. Вообще, понятие народности делало напряженные отношения, и даже конфликты в пределах правительственной доктрины.

Все же, несмотря на их разницу, сторонники Официальной Народности наслаждались мерой соглашения, поскольку они определили и разъяснили природу России и российских людей. Для начала, они подчеркнули, что люди царя выражают подавляющую преданность Православию и самодержавию. Шевырев, например, объявлял: Я приучился чувствовать, в упоминаниях о

российских людях, определенное спокойствие, не только в моей собственной родине, но также и во всей Европе. Причина – то, что я неразрывно соединяю два понятия с именем российских людей: любовь к Церкви, и преданность и повиновение правителю.

Погодин, в свою очередь, перечислял страх относительно Бога, преданность вере, и благочестие среди различающих особенностей российских людей. Тютчев объявлял еще более решительно: Россия – прежде всего христианская империя. Российские люди – христиане не только из-за Православия и его убеждений, но также и кое из-за чего еще более близкого, чем вера. Христианин – это тот, кто отказывается и жертвует, который служит за сохранность моральной природы....